

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

БРИГАДИР

Бригадир

Владимир Колычев

Бригадир

«ЭКСМО»

2011

Колычев В. Г.

Бригадир / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2011 — (Бригадир)

Не от хорошей жизни подался Спартак со своими ребятами в ближнее Подмосковье. На малой родине – только пьянки да драки; ни денег нет, ни работы. А тут хоть на хлеб подкалымить можно, потому как их бригада строит на местном рынке кафе. Но честно трудиться не получается. За рынок и стройку сражаются несколько «контор» братков, хозяин не платит денег за работу. Даже если захочешь, в стороне не останешься. И Спартак усваивает простую истину: если хочешь выжить, бейся до крови, до смерти. Потому что просто так никто тебе ничего не даст...

© Колычев В. Г., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Колычев

Бригадир

Глава первая

1

Слева мелькнул кулак с венцом кастета, справа кто-то кого-то двинул ногой – вопли, стоны, хрипы. Там хрустнуло, там хлюпнуло... Сверху, блеснув на солнце, в рубящем ударе опускается полированная бита, но на плечах у Спартака не мяч для лапты, а голова, и ее надо закрыть, чтобы она не рассыпалась, как городошная фигура.

Спартак подставил под удар левую руку. Кости у него прочные, мышцы крепкие, а боевая эйфория намертво глушит болевые ощущения. Сейчас его никакая боль не остановит – хоть руку ему сломай, все равно будет драться. Оторви ему ноги, так он на култях дотянется до врага, зубами вцепится ему в горло. Сейчас его мог остановить только убойный удар, такой, чтобы дух вон. Но бита заблокирована, и пока разъяренный качок снова замахнется, Спартак успеет намотать его сопли на кулак. Удар! Слева, справа, теперь головой, локтем в «солнышко», ногой под колено, еще раз, еще... Главное – не останавливаться, не ослаблять натиск. Бить, бить, бить так, чтобы даже в своей голове все сотрясалось.

Первый поплыл – нос в лепешку, во рту кровавая каша, глаза синус на косинус. А нечего во взрослые игры играть! Сидеть бы этому чепушине в своей песочнице да пасочки под кожей лепить из анаболиков – ан нет, он вдруг решил, что может околачивать не только груши. Но не по плечу ему это дело, потому и слетел с копыт...

Справа мелькнул кулак, Спартак инстинктивно подставил под него плечо, защищая челюсть, но все равно тряхнуло его здорово, на ногах еле устоял. Но ведь выдержал удар, развернулся к врагу лицом. У парня бритая под ноль голова, покатым лоб, массивные надбровья, широкие челюсти, тяжелый квадратный подбородок, бычья шея, плечи, как у Сталлоне, «банки» на руках, как у Шварценеггера. Глянешь на такого качка – и перелякаешься. Но это глаза боятся, а руки-то делают. Кулаки у Спартака крепкие, тяжелые, а удар от природы будь здоров. Отточенный удар, на многих челюстях отшлифованный. И запрыгает он быстро, и кулак справа летит со свистом.

Качок ставит блок, но Спартак бьет левой, по прямой и точно в подбородок. Но это лишь начало. Теперь справа, снова слева, «двойка», за ней «тройка». Враг огрызается в ответ, но удары у него не убойные, Спартак выдерживает их, атакует. Натиск, напор: быстрее, быстрее, вперед, напролом... Качок поплыл, покачнулся, как бычок на досточке. Попал, что называется, бык на мясобоюню. Конкретно попал... Удар в живот, коленкой по фейсу, еще раз, еще... Ну вот, «бык» уже на боку, самое время нож ему в сердце всадить. Нет, забивать Спартак его не будет, но ведь ливерный фарш можно сделать, и не вырезая потроха.

Лежачего не бьют. Это верно. Нельзя бить лежачего, когда вокруг свара, когда в голову может прилететь кулак или монтировка. Нельзя увлекаться поверженным врагом, чтобы не пропустить удар сзади. Кроме того, с битого на небитого надо переключаться, чтобы помочь своим. Но, похоже, встречная волна размыла набегавшую и погнала ее обратно в море. Одна толпа рассеяла другую, и теперь Спартаку ничего не мешало добить врага. Но зачем ему это нужно? Это чужая война, и он здесь наемник: не за правду дрался, а за деньги.

Изрытый канавами пустырь за барахолкой, пыльная туча, поднятая ветром, крепкие ребята с разбитыми в кровь лицами – одни убегают, другие догоняют. С одной стороны – лику-

ющий рев, с другой – стонущее молчание сквозь стиснутые зубы. Удаляющиеся крики, топот ног, еще слышно, как трещат чьи-то ребра. Это Бабай пинал сбитого наземь братка в грязной джинсовой куртке. Не человек он сейчас, а машина, и молотить будет, пока в голове не замкнет. Или пока кто-то не вразумит.

– Бабай, на тормоза жми! – одернул его Спартак.

Он бригадир, и этот громила должен ему подчиниться. И еще они друзья с детства...

Бабай оторвал ногу от земли, но бить не стал, замер, а взгляд затуманился под прессом тяжкого раздумья. Бить или не бить?.. Браток правильно понял, что нужно сматываться, пока его истязатель застыл в нерешительности. Лишь бы только не пнул Бабая, решив, что его безнадежно заклинило. Тогда ему Спартак ничем помочь не сможет.

Но нет, парень отполз от Бабая, поднялся на ноги, наспех отряхнулся и заковылял вслед за своим дружком, которого пощадил Спартак. Им обоим есть куда торопиться, спортивные ребята из их команды уже садятся в «пазик». Много их, десятка два – культуристы, штангисты, каратисты, прочие клоуны. В стаю сбились, решили с рынка поиметь, да только облом на стрелке случился, боком разборка вышла. В убытке парни остались – выбитые зубы, сломанные челюсти, носы, ребра.

Спартак подошел к Бабаю, пальцами щелкнул перед застывшим лицом, в ответ получил вполне осмысленный взгляд.

Досталось парню. Лоб у него мощный, толстокожий, но шишку ему набили красивую, с пунцовым отливом. И в челюсть кто-то кастетом зарядил, из дырок от шипов сочится кровь. Надбровье набухает... Для Бабая это не беда: его однажды стальными прутами посекали, на лице живого места не осталось, глаза чуть не выбили, но ни одного перелома. Нос у него бронированный, челюсть железная, подбородок чугунный...

Спартак не смотрелся в зеркало, но точно знал, что выглядел не лучше. Нос распух, щека разодрана, нижняя губа разбита, кровь из нее струится, и боль уже пульсировать начинает. Но бывало и хуже.

– Ну, как вы тут?

К ним подошел Мартын. Этого в переносицу отоварили – драка только закончилась, а у него уже от глаз узкие щелочки остались. Ухо красное, распухшее, подбородок в кровь разодран.

Бабай – глыба, на фоне которой Мартын смотрелся не очень выгодно. Среднего роста, поджарый, уши большие, лицо узкое, нос острый, с хищной горбинкой, тонкие губы, мелкие и острые, как у акулы, зубы. Но у Бабая отсутствующий вид, взгляд потухший, как у робота без батареек, в голове что-то варится само по себе, но работа мысли на лице не отражается. Оживить его может или работа, или драка, а без этого парень обычно пребывает в ауте, и нужно хорошо постараться, чтобы достучаться до него. Другое дело – Мартын. Заводной человек, покой которому даже не снится. Весь на шарнирах, на пружинах, и походка такая, как будто ступни у него на рессорах. В глазах вулканический огонь, а вокруг него самого такое сияние, что Бабай меркнет на его фоне.

– Ну, так как тут у вас? – Быстрым движением пальцев Мартын ощупал разбитые в кровь костяшки на правом кулаке.

В драке он всегда впереди, рвет и мечет. И кулаком по вывеске съездить может, и через себя швырнуть, но без кастета при этом никуда. И сегодня не обошлось без шипованной железки, но кулаки он все-таки сбил.

Спартак свой кастет оставил дома, но с ним его кожаные перчатки с обрезанными пальцами. Удар они не усиливают, но кулаки защищают. И комфортно в них, и уверенность они придают такую же, как и кастет...

– Да как-то невесело, – угрюмо отозвался Спартак. – Не наша это драка.

– Ага, уже не наша. Эти ее увезли... – Бабай с самым серьезным видом показал на отъезжающий «пазик». – Увозят, блин...

– Люлей они увезли, – хмыкнул Гобой.

В детстве Миша Стахов занимался на гобое: мать заставляла, хотела, чтобы он играл в симфоническом оркестре. Ан нет, парню дворовая романтика больше нравилась. Песни под гитару, пьянки-гулянки с девчонками в подвале, ну и, конечно, стенка на стенку, настоящая пацанская дружба... Пришлось ему хлебнуть лиха в своей жизни, три года отмотал за пьяную драку – половину на общем режиме, вторую на «химии». Судимость у него, какая уж тут филармония. Но его интеллигентская суть и наружность никуда не делись. Худошавый, утонченный, всегда умытый и причесанный, свежий и лощеный. Даже сейчас, грязный после пыльной работы и окровавленный в драке, он был похож на дворянина, что в схватке потерял треуголку, но высоко пронес над полем боя офицерскую честь. Черты лица у него правильные, даже можно сказать, изысканные, но женственности в нем нет ни грамма – ни внутри, ни снаружи. Есть в нем определенная мягкость, но это вовсе не признак малодушия. И горе тому, кто вдруг выберет его в мальчики для битья. Не атлетический у него вид, но с одного удара он ломает челюсть в двух местах.

– Там нам, кажется, что-то обещали, – хмуро глянул на Спартака Угрюм.

Фамилия у Паши такая – Угрюмов. Но и по жизни он такой же сумрачный, вечно чем-то недовольный, хотя, в общем-то, безобидный, если, конечно, дорогу ему не переходить. В Афгане Угрюм был пулеметчиком. Роста он невысокого, на голову ниже Бабая, зато в плечах шире. Если бы не старая, еще с детства, кличка, Спартак назвал бы его Квадратом. Все у него квадратное – и голова, и подбородок, и фигура. Даже мысли квадратные, в форме рамки, в которую он себя загнал. Работа, семья, дом – больше ничего другого в этой жизни его не волнует. И в эту драку он до последнего лезть не хотел. Если бы не деньги, его бы здесь не было. Хотя трусом Угрюма не назовешь: орден у него боевой, «духов», говорят, немерено положил. Но тогда он холостой был, а сейчас жена у него, такая же квадратненькая, и сынок – маленький квадратик. Угрюм для семьи себя бережет, и понять его можно.

Спартак тоже был в Афгане. В стройбате служил, школу-интернат в Кабуле строил, пока в Союз не вывели. До дембеля оставалось совсем чуть-чуть, когда он сцепился со старшиной. Не правы были оба, но в госпиталь отправили прапорщика с черепно-мозговой травмой. Армейские друзья разъехались по домам, а Спартак отправился в дисбат на три долгих года. Такие вот заслуги, в которых ничего героического...

– Обещали, – кивнул Спартак, глядя на работодателя.

Хазар направлялся к своей машине блатной походкой от колена. Будь у него брюки клеш, мел бы он сейчас пыль под ногами. Впрочем, джинсы у него широкие, свободные, в таких очень удобно махать ногами. Футболка на нем со знаком доллара, на капоте вишневой «девятки» лежала кожаная куртка, которую он снял еще до драки, чтобы не порвать. Нос у него всмятку, вся вывеска в крови, но улыбка до ушей. Как же, отбил наезд спортсменов-рэкетсменов из Москвы.

Хазар держал барахолку, бригада у него небольшая, чуть больше десятка бойцов, а тут целая орава нагрянула. Умри, говорят, или отдай рынок. А ребята наехали неслабые и до поживы жадные, потому что голодные. Не было у них ничего за душой – ни машин, ни оружия, автобус наняли, чтобы на разборку выехать. Хазар вывел против них свою братву, смотрит, недобор получается, а тут стройка на подконтрольной территории – Спартак со своей бригадой кафе выводит под крышу. Ребята молодые, горячие, на вид совсем неслабые. Пять человек – какое-никакое, а подспорье, вот он и обратился за помощью. А у Спартака с финансами напряженка, потому он и согласился. Тем более что не впервой.

– Ну, спасибо, братан! Даже не знаю, что бы мы без вас делали.

Хазар крепко пожал Спартаку руку, даже обозначил движение, будто собирался с ним по-братски обняться.

– На спасибо пожрать не купишь.

– Что верно, то верно, – широко улыбнулся Хазар.

Тип внешности у него славянский, но пробиваются на лице восточные черты. И взгляд у него с лукавинкой. На Спартака он смотрел, хитро сощутив один глаз.

– Ты штуку баксов обещал. По две сотни на брата.

– Да я помню...

Хазар приложил ко лбу палец, чтобы Спартак не видел, как забегали у него глазки.

– И я не забыл... Слышь, я тут подумал, может, тебя к себе в бригаду взять? А что, маза у нас конкретная. И бабки у тебя будут, и почет...

– Какой почет? Бабки с торгашей стричь, это, по-твоему, почет? – неприязненно скривился Спартак.

– А это закон такой: не подмажешь, не поедешь. Хочешь – не хочешь, а делиться надо...

– Я, Хазар, спорить с тобой не стану, – покачал головой Спартак. – У тебя свои дела, у меня свои. Я работу сделал, я должен за нее получить...

Слева от Хазара стоял один браток, справа – двое, и еще люди подошли. В этих бойцах его сила, уверенность, потому и распушил он крылья.

– Ты кафе строишь? – хищно сощурившись, спросил он.

– Это ты о чем? – еще больше нахмурился Спартак.

– Да все о том же... Работаете на моей территории, не платите... А почему не платите? Потому что вы нормальные пацаны, и мы тоже нормальные пацаны. Пацан пацана видит изда-лека. Так что работайте дальше, считайте, что вы ничего нам не должны.

– Да, но ты нам должен...

Спартак смотрел на Хазара тяжелым немигающим взглядом. Браток должен понять, что на своем он будет стоять твердо и до последнего. И еще он должен понимать, что на одну силу всегда найдется другая. Спартак не какая-нибудь базарная бабка, которую можно обложить данью без вреда для себя, он ведь и сам взбунтоваться может, и людей поднять. А как его пацаны дерутся, Хазар сегодня видел. Смяли бы его братву сегодня, если бы не бригада Спартака. Не важно, что строительная, главное, народ в ней боевой.

– Так тебе и хозяин твой должен, – усмехнулся Хазар.

– Нет у меня хозяина. Хозяин есть у кафе, которое мы строим.

– Ну да, ни хозяина у вас нет, ни денег...

– Мы с этим разберемся.

– Ну, мы могли бы помочь. Я Артура знаю...

– Спасибо, не надо. Мы сами.

Артур Сагоян размахнулся широко, целый сектор на барахолке урвал – сначала торговый ряд на два десятка ларьков поставил, теперь вот кафе с летней площадкой строит, Спартака под это дело подрядил. Материал завез, задаток дал и вдруг исчез. Второй месяц Артура нет, брат его Карен говорит, что мама в Ереване очень болеет. Карен сейчас всеми его делами рулит, но деньги за работу не выплачивает, дескать, без брата никак. Даже стройматериалы не покупает, думает, что дело само по себе двигаться будет. Оно-то движется, но не благодаря Артуру, а вопреки...

– Так в чем же дело? – ухмыльнулся Хазар.

– Так натура у меня русская. Долго могу терпеть, но если взорвусь, мало не покажется. Очень долго могу терпеть...

Имя у него, может, и не русское, но и в душе, и по паспорту он чистокровный русак. А имя ему отец дал, он тогда от «Спартака» фанател. Хорошо, что не от «Динамо»...

– Так и со штукой баксов потерпи. Обещанного три года ждут.

– Меньше. Гораздо меньше... Завтра принесешь.

Спартак уверенно посмотрел на Хазара, закрепляя свое требование. Именно требование, а не просьбу. На этом разговор и закончился.

2

Спартак заканчивал выводить треугольник фронтона, осталось всего несколько кирпичей. Доска под ногами гнулась под тяжестью тела, но его это не пугало. Если суждено ей сломаться, значит, так тому и быть. А еще он был уверен, что с ним ничего не случится. Как человек он может жить на авось, а как бригадир – нет. Он за людей в ответе, поэтому проверял уже леса на прочность и точно знал, что доска не сломается и не оторвется. И кирпич из руки не вывалится, не рухнет на голову Бабаю, который с первого этажа подает раствор. Хотя, конечно, неплохо было бы каску на него надеть, может, в голове у него и сплошная кость, и хрен ее проломишь, но техника безопасности на стройке – не последнее дело. Однако нет касок, без них приходится работать. Сначала Артур говорил, что денег на них не хватает, теперь Карен в ту же свирель дует. И следить за безопасностью некому, стройка-то дикая. Следить некому, а отвечать, если вдруг что, придется Спартаку – и перед законом, и перед своей совестью. Но нет у него денег на дополнительный инвентарь. Слабая отговорка, но тем не менее...

Тцык-тцык. Рукоятью мастерка Спартак стукнул по кирпичу, рукой отер пот с лица. Все, с кладочными работами, по большому счету, закончено. Стропила на крышу надо установить, обрешетку, но это чистой воды столярка. Мартын по этому делу лучше всех соображает, ему и молоток в руки.

Спартак метров на восемь возвышался над землей, с такой высоты рынок был виден как на ладони. Дощатые столы длинными рядами, за ними торгаши с товаром, толпы покупателей, автостоянка у главного входа... Суббота сегодня, народ спешит потратить свои деньги, а кому-то просто хочется поглазеть на барахло. Джинсы, кроссовки, кожаные куртки – все это когда-то было в дефиците, а сейчас, пожалуйста, на любой вкус и цвет, только плати. И кооператоры здесь товар свой сбывают, и челноки из бывших соцстран забугорный ширпотреб везут. Хотя встречается и настоящая фирма, такая, что без обмана, но это места знать надо, да и цены кусаются. Впрочем, на фирменные шмотки Спартак пока не зарился – все свои личные деньги, заработанные за последний год, в стройку вложил. Это он бригаду сколотил, он для нее работу нашел, и ему отвечать за процесс. А денег у него немало было: он все прошлое лето как проклятый вкалывал, осень, даже зиму захватил. И все сбережения на стройматериалы ушли. Пацанам с этих денег ничего не перепадает, но когда-нибудь они свое получают. Спартак уже хорошо знает, в какой стране живет, какие здесь законы. Он знает, как разговаривать с Артуром, когда тот появится. За бригадиром сила, и он будет на коне. Так что пусть не думает хитрый армянин, что у него получится обуть русского Ивана.

Спартак уверен в себе, и пацаны у него боевые. Потому и не стал он требовать с Хазара предоплаты. И что? Вчера бригадир пришел, ящик водки принес и штуку баксов. Дескать, извините, пацаны, за просрочку, спасибо вам за помощь, пятое-десятое... Ну, с ним понятно. Сколько бы Хазар ни хорохорился, а бригада у него маленькая. Репчино – городок небольшой, десятка три высотных домов, и вещевого рынок здесь чуть ли ни единственная достопримечательность. А Москва совсем рядом, Кольцевая дорога в сотне метров от рынка шумит. Москвичи на Репчинскую барахолку ездят с удовольствием: и близко, и дорога хорошая, и стоянка большая – машину без проблем поставить можно. Рынок расширяется, обороты растут, а значит, и ставки поднимаются. Московские «быки» уже присматриваются к этому «пастбищу»; правда, пока всякая мелочь наезжает, но в любой момент могут серьезные ребята появиться, измайловские там или солнцевские. Глядишь, Спартак снова поможет отбиться. А почему нет? Только в следующий раз меньше чем за три штуки зеленых он впрягаться не станет. Закон

рынка – чем выше репутация у фирмы, тем больше цена на ее товар. Может, и нет у бригадира за плечами экономического института, только строительное ПТУ, но голова не опилками набита...

Артур не дурак, он раньше всех понял, что за Репчинским рынком большое будущее, потому и построил длинное кирпичное здание, которое заменило собой фасадную часть забора вокруг барахолки. В нем ларьки-клетки. Видно, что армянская душа в это дело немало денег вбухала. Надо было бы остановиться – ан нет, он еще на кафе замахнулся, причем на двухэтажное. Артур сам по себе жадный, но, возможно, он еще долги за прошлую стройку выплачивает, поэтому и не может финансировать кафе в полной мере. Но Спартака его проблемы не волнуют. Весна и лето уже позади, скоро он поставит здание под крышу и тогда потребует расчет. И пусть Артур пеняет на себя, если у него вдруг не окажется денег...

– Что, все? – спросил Угрюм, когда Спартак спустился вниз.

– Почему все? Стропила ставить будем. Лес есть, сегодня и начнем...

– А куда торопиться? Шифер еще не подвезли.

– Подвезут.

– Может, с понедельника начнем?

– Слушай, ты в Афгане «духов» уговаривал поближе подойти? – усмехнулся Спартак.

– Ага, подходите, люди добрые! Щас я прокручу вам пару дисков, – засмеялся Мартын. –

Пулеметная симфония до мажор...

Спартак равнодушно посмотрел на него и перевел взгляд на Угрюма:

– Хочешь домой, так и скажи, а то уговариваешь...

– Так и скажу.

– Кто еще домой хочет?

– Да я бы съездил, – пожал плечами Гобой.

– И я, – кивнул Бабай.

– Мартын?

– Да мне теперь только по ночам ездить можно, – с чувством юмора усмехнулся парень, пальцами коснувшись опухлостей над глазами. – Фонари светят, мне все видно, а меня самого не видать...

– Ничего, на следующей неделе со мной поедешь, – кивнул Спартак.

Все они жили в одном поселке, в ста километрах от Москвы – пара часов на автобусе и уже дома. Угрюм соскучился по жене, у Гобоя подруга, у Бабая тоже девчонка есть, пусть побудут с ними, Спартак не против. Сам он остался на месте: надо же кому-то за объектом смотреть, да и стропила нужно выверить, надрезы на них сделать...

Спартак раздал друзьям по двести долларов, поделил с ними водку из ящика, что принес Хазар. Ни на работе, ни после нее пить нельзя – с этим у него строго, хотя и бывают исключения. Но дома грех не вмазать...

– Может, по рынку прошвырнемся? – спросил Мартын, когда Угрюм, Гобой и Бабай уехали. – Осень на носу, холодает, мне бы куртку новую...

Спартак молча вынул из кармана четыре пятидесятидолларовые купюры, протянул ему. Что хочет с ними, то пусть и делает.

Он и сам не прочь был составить Мартыну компанию – тоже не мешало бы обновить гардероб, а то как вернулся из армии весной прошлого года, так ни разу больше ничего себе не покупал. Да и прибахлился он тогда, правду говоря, неважно. Джинсы взял кооперативные, стремной выварки, куртка какая-то убогая, балахоном на нем сидит. Ему бы джинсы черные, с широкими штанинами, так, чтобы глянцем отливали, куртку лайковую – легкую и элегантную, кроссовки с упругой подошвой и твердым носком. И чтобы все фирменное.

А двести долларов – это бешеные деньги, матери в своей школе на ставке технички год нужно вкалывать, чтобы такую сумму заработать. Еще вчера двести «зеленью» можно было

обменять на тридцать тысяч «деревом», а сегодня уже почти сорок тысяч можно наварить. Правда, в рублях цены тоже как на дрожжах растут, инфляция, мать ее... Но по-любому за двести баксов можно конкретно прибахлиться.

Впрочем, Мартын никуда не пошел, снова вспомнив о своих «фонарях». А Спартак решил пока не тратить деньги. Артур, похоже, совсем нюх потерял. Когда он появится, неизвестно, а им еще жить здесь как минимум месяц, и Спартак в ответе за своих людей, за то, чтобы они с голоду не склеились. Мутное какое-то время, без денег сейчас никак.

А неплохо было бы сейчас перекусить. В холодильнике мышь повесилась, поэтому надо на промысел выходить. Колбаски бы купить, масла, хлеба – на рынке этого добра хватает, только плати. А если повезет, можно старого татарина перехватить, который горячие обеды по торговым рядам разносит. Дешево и сердито.

Бригада жила в бытовке между зданием кафе и сетчатой оградой рынка. Тесно здесь, зато не пыльно, как в недостроенном здании. И печка-буржуйка есть, и старый холодильник, и еще летний душ со столитровой бочкой наверху.

Спартак вдруг понял, что работать сегодня больше не будет. И он устал за последнее время, и Мартын. К тому же подводить здание под крышу они уже закончили, а это, как ни крути, событие. Почему бы не отметить? Обед сегодня приготовят, бутылочку можно уговорить. Почему нет?

Он принял душ, вымыл голову, сменил рабочую одежду на выходную, глянул на себя в зеркало. Черные волосы ежиком, широкое лицо с крупными чертами; нос уже не такой опухший, как вчера, но ссадина на нем еще не зажила; на щеке – след от кастета. Футболка застиранная, джинсы не фонтан... Но смеяться над ним не стоит. Рост у него метр девяносто, плечи, может, и не самые широкие, но торс мощный, руки сильные, а кулаки – его гордость и опора. И хотя из-за них Спартаку пришлось отслужить лишних три года, своим проклятием он их не считал. Время сейчас такое, когда все кулаками решается.

Из кафе Спартак вышел на площадку с железобетонным основанием. Две тонны железа ушло на арматурную сетку, двадцать кубов бетона, четыре трудодня... И как быть с Артуром, если он вдруг не сможет расплатиться?

Мысль о хозяине стройки расстроила Спартака, заставила нахмуриться. Может, поэтому бальзамом на душу пролилась улыбка, которой встретила его миловидная девушка из железного ларька в нескольких шагах от кафе. Она появилась здесь совсем недавно, но уже успела примелькаться. Хотя бы потому, что всегда приветливо улыбалась, завидев Спартака.

Позавчера она, правда, смотрела на него с тревогой. Он тогда уходил с Хазаром и уводил за собой своих друзей, она не знала, куда, но все равно забеспокоилась. Может, учуяла тревогу в его поведении, поэтому и сама расстроилась. Зато когда Спартак вернулся, она опять встретила его милой улыбкой.

Приятная на вид девушка, хрупкая, нежная. Одним словом, миловидная. Хотя не сказать, что красивая. А для кого-то даже не слишком симпатичная. Жидкие, выжженные гидропиритом волосы, нелепая челка, тусклые брови, какие-то размытые черты лица; губы ярко накрашены, что не очень-то гармонирует с бледным цветом кожи. Тонкая шея, узкие плечики, отчего серая хлопчатобумажная куртка кажется чересчур великоватой, дешевые пластмассовые бусы поверх такой же безразмерной футболки.

Она стояла у ларька, спиной подпирая открытую дверь, и курила, поэтому Спартак мог видеть ее во весь рост. Невысокая она, худенькая, если не сказать костлявая. Но все-таки миленькая. И улыбка нежная.

И еще она очень молодая, максимум шестнадцать лет. Может, родители ее в свой ларек определили, чтобы помогала им, пока не закончились школьные каникулы.

Спартак уже понял, что нравится ей, но не холодно ему от этого и не жарко. Не екает у него сердце, когда он смотрит на нее, не раскрывается душа ей навстречу, не бурлит от волнения кровь. Радости ее улыбка не вызывает, но и раздражения – тоже.

В стеклянной витрине ларька виднелись пластиковые бутылки с кока-колой, фантой, спрайтом, красивые коробки с дрянными суррогатными конфетами, гирлянды презервативов, растворимого кофе в пакетиках, зажигалки. Шоколадки «Марс» и «Сникерс» в ассортименте, «Орбит» без сахара, чупа-чупсы и прочая муть. Сигареты от дешевой «Примы» до кондового «Мальборо», новомодный «Данхилл». Напитки и сладости Спартака не интересовали, сигареты у него еще есть, поэтому он прошел мимо. Ему бы сейчас чего-нибудь горяченького... Старого татарина он не нашел, зато взял шашлыка по-карски в лепешках, купил подозрительной на вид, но дешевой конской колбасы, хлеба.

Спартак возвращался назад, когда у знакомого ларька увидел эффектного вида блондинку. Пышная химическая завивка, полная высокая грудь, ноги от ушей... Девушка была в короткой юбке, и этим взрывала сознание. Ноги красивые, стройные, удлиненные высоким каблуком. На этом фоне лицо их обладательницы казалось второстепенным, но и здесь сплошные плюсы. Большие, густо накрашенные глаза, идеальной формы носик, губы пухлые, необыкновенно сочные. Хотелось припасть к этому источнику...

Красотка заметила, как Спартак смотрит на нее, и небрежно глянула в ответ. И улыбнулась. Но не ему, а девушке, с которой разговаривала. Девушке, которой нравился он.

Это была прощальная улыбка. Блондинка согнула и выпрямила пальцы правой руки, тем самым изобразив «пока, пока», повернулась к Спартаку спиной, грациозно и непринужденно покачивая бедрами, направилась к выходу. Белая шелковая кофточка на ней, юбочка из бордового плюша, маленькая сумочка на длинном ремешке...

Красотка уходила, но для Спартака она не потеряна: ведь у него есть выход на нее. Через продавщицу из ларька. К тому же неплохо было бы сладкой воды взять, да и лишняя пачка сигарет не помешает...

Миловидная продавщица уже заняла свое место за прилавком, когда Спартак подошел к ларьку. Витринные стекла отражали свет, окошко сравнительно небольшое, поэтому нужно было наклоняться, чтобы разговаривать с девушкой, глядя на нее. А в неудобной позе знакомиться не очень приятно. Поэтому Спартак открыл дверь, что делать, в общем-то, недопустимо.

Но девушка встретила его знакомой нежной улыбкой, даже вышла к нему. От нее приятно пахло ароматом дешевых цветочных духов, и еще он уловил уютный запах приготовленного растворимого кофе. Она вышла к нему с радостью человека, в жизни которого произошло чудо.

– Привет!

Спартак имел опыт общения с женщинами, поэтому робости в его поведении не было. Легкий бесшабашный натиск, снисходительно-веселая улыбка, безоговорочная уверенность в своих силах... Может, этого было мало для обольщения капризной красотки, но для продавщицы из ларька вполне хватало. Она уже цветет и пахнет от счастья...

– Привет.

– Я тут подумал, чего такая красивая девушка скучает в одиночестве?

– Правда? – просияла она, глядя на него с наивностью глупышки.

Голос у нее нежный, тонкий, звонкий, как у Настеньки из киношного «Морозко». Мягкий, певучий, завораживающий.

– Что «правда»?

– Ну, что вы так подумали?

– А почему на «вы»? Я что, на старика похож?

– Нет, конечно! – засмеялась она так, будто он был известным комиком и озвучил невероятной остроты шутку.

– Мне всего двадцать пять. И зовут меня Спартак.

– А меня Юля. И мне уже двадцать.

Скорее всего, она говорила правду, хотя бы потому, что ей незачем было врать. Девушки обычно, чтобы скрыть свое малолетство, называют более скромную цифру «восемнадцать».

Двадцать лет Юле, а выглядит она очень молодо. Может, потому, что по своей сути она еще ребенок, глупенький, наивный. Понравился ей парень, так нет чтобы заинтриговать его, набить себе цену – она открывается ему навстречу, улыбается, не скрывая своей радости. Так может себя вести только не искушенная в жизненных перипетиях девушка.

– Вот и познакомились, – улыбнулся Спартак. – И что дальше?

Он смотрел на нее вовсе не растерянно, он ждал на свой вопрос ответа, который был ему прекрасно известен.

– Ну, сегодня выходной... Мы могли бы сходить в кино, – простодушно предложила Юля.

Ему нравилась ее простота и наивность.

– А разве в кино сейчас ходят?

– А разве нет? – удивилась она.

– Так народ на видики перешел...

– Да, у нас в доме на первом этаже видеосалон был. Но он закрылся. Нерентабельно.

Последнее слово в ее устах прозвучало как-то противоестественно, хотя произнесла она его легко и непринужденно.

– Даже так?

– А в кино я давно уже не была. И даже не знаю, ходят туда люди или нет...

– А я был недавно. Вдвоем на весь кинозал. Думал, что крутить не будут, так нет, им и двое в радость...

В кино последний раз он ходил в мае этого года в своей родной Знаменке. Некуда было с подружкой идти, а на улице дождь проливной, решили в кинотеатре погреться. Нормально сходили. Началось все с поцелуев, а закончилось греблей на одном весле. Байдарка была довольна.

– Не боишься со мной в кино идти? – разгульно спросил он. – Вдвоем во всем кинозале. Что, если я приставать начну?

– Вот когда начнешь, тогда и поговорим, – лукаво сощурившись, с легким смущением сказала она.

– Не боишься?

– Ты же не маньяк?

– Нет. Могу доказать. Пойдем ко мне в бытовку, сядем, посидим, выпьем – и я за весь вечер к тебе ни разу не прикаснусь.

– А ночью? – сдерживая стыдливый смешок, с еще большим смущением спросила она.

– Ну, ночью и поговорим...

– Нет уж, лучше в кино. Или на видик.

– Так видеосалоны уже нерентабельны...

– У меня свой видеосалон. Дома. Если хочешь, можем у меня сесть, посидеть...

– Выпить?

– Ну, можно, – кивнула она с таким видом, как будто только что приняла самое важное в своей жизни решение.

– Когда?

– Через два часа. Рынок закроется, и пойдем... Если ты хочешь.

Юля глянула на него с застенчивой и вместе с тем опасливой улыбкой, как будто он мог отказаться. Но разве он похож на дурака? Девушка она приятная, пахнет хорошо, голосок у нее ангельский, да и в постели с ней, если вдруг что, будет не противно. К тому же квартира у нее и там, пожалуй, можно отлично провести время. Нет, он не откажет себе в удовольствии побыть с ней.

3

Мечта солдата – найти одинокую женщину с квартирой и вкусными борщами, чтобы ходить к ней в увольнения и в самоволки. В Кабуле таких женщин не водилось, в дисбате увольнений не было вообще, зато сейчас ему повезло. Сейчас у него свой стройбат, и отчий дом далеко, а бытовка – та же казарма, так что в лице Юли ему улыбалась сама удача.

– Здесь ты можешь помыть руки... Ну, если душ принять, то пожалуйста.

Ванная сплошь в кафеле, сантехника импортная. И квартира впечатляла не меньше. Просторная кухня, две комнаты, дорогие обои на стенах, паркетные полы, добротная обстановка. Японский телевизор в гостиной, видеомэгафон. Комфортно, уютно, тепло. Никакого сравнения с тем убогим жилищем, в котором Спартак прозябал вместе с матерью и сестрой.

Ремонт, правда, он у себя дома сделал, потолок перестал обваливаться, но трещина в стене снова появилась, хотя это не его вина. А канализацию он провести не смог – некуда было выводить трубу, поэтому так и ходят его родные до сих пор на улицу в общий туалет. И воду из колонки мать ведрами носит.

А здесь все удобства. И никого в доме, кроме Юли – ни отца ее, ни матери. Вдвоем они здесь.

– Могу и белье принести.

– А есть?

Вдруг она одна здесь живет? Вдруг мужики косяками к ней ходят? Потому и белье есть...

– Да, как раз твой размер...

– Ну, я вообще-то мылся уже...

– Как знаешь...

Юля нарочно коснулась его рукой и бедром, потерлась об него, как ласкучая кошка. Нравился он ей, и она хотела быть с ним. Но что, если не он один ей нравится?.. Слишком уж все быстро произошло. И познакомиться толком не успели, а она его уже к себе привела.

– Я много чего в этой жизни знаю...

Она шагнула в сторону кухни, но Спартак взял ее за руку. Он всего лишь обозначил движение, которым хотел привлечь ее к себе, и этого вполне хватило, чтобы она сама прильнула к нему. Обняв ее за талию, он почувствовал, как мелкой зябью по ее спине пробежала дрожь. Голова сама по себе откинулась назад, губы приоткрылись, и он своим ухом ощутил ее жаркое дыхание.

Девочка созрела, и произошло это очень быстро. Ни лишних слов, ни пивка для рывка, ни водки для заводки...

Хотя, конечно, в столь стремительном развитии событий мог быть подвох. Юля могла сдать позиции лишь до определенного момента, а где-нибудь «под Москвой» могла встать намертво и не впустить «врага» в свою «столицу». Есть такой тип женщин – легко гнутся, но не ломаются.

– И знаю, чего хочу...

Он попробовал на вкус ее губы. Сладкие, теплые... Нет, уже горячие. И язык такой мягкий, быстрый и жадный. Определенно, целоваться Юля умела на «отлично».

Ей уже двадцать, и за совращение малолетней привлечь его не смогут.

Он подхватил девушку на руки, легко, играючи перенес на диван в гостиной, уложил, встал перед ней на колени. И целовал ее в губы, ощущая, как трепещет в нетерпении молодое податливое тело.

А может, не надо ничего? Ведь не Юля ему нужна, а ее подруга, блондинка с ногами от ушей. Как-то некрасиво получается – совратил одну, чтобы завладеть другой... Ведь им же потом придется видеться, когда он станет встречаться с красавицей своей мечты.

Но как остановиться, если поезд уже мчится на всех парах, котел в нем раскален докрасна, нельзя его тушить холодной водой, иначе лопнет, взорвется. Надо дать ему полную нагрузку – и гнать, гнать, пока все само не остынет...

Юля, казалось, только и ждала, когда он снимет с нее футболку. И бедрами энергично задвигала, помогая ему избавиться ее от джинсов.

Тело у нее худощавое, но не костлявое, как он предполагал. Ребра не просматриваются. А талия тонкая, с мизинец, поэтому бедра кажутся фигуристыми. И грудь вполне осязаемая, идеальной формы, и такая упругая, что не растекается под собственной тяжестью. А сочная ягодка соска так и просится в рот...

И все равно, это не совсем то, что ему сейчас нужно. И совсем не то, что нужно вообще. Но пар в котле уже толкает поршень с такой силой, что даже крушение не остановит его. И ножки у Юли ровные и гладкие, как рельсы, он без остановок мчится по ним, рвет ручку паровозного гудка, врывается в тоннель. В жаркий. И тесный. Но рельсы здесь хорошо смазаны, поэтому поезд легко втягивается в него на всю длину, проходит через всю его долгую даль и, с воем сбросив из котла весь пар, вырывается наружу. Машинист слепнет от яркого света, но ему не больно. Ему чертовски хорошо. И совсем не важно, что тоннель пропустил через себя не первый поезд. В конце концов, Юля взрослый человек и ей решать, с кем и как жить...

Спартак лежал в легком изнеможении, наслаждаясь одержанной победой, хоть и маленькой, но все-таки. И еще ему нравилась тишина и покой. Лежать бы и лежать, пока не уснешь...

– Ты, наверное, кушать хочешь...

Юля неугомонной птичкой перепорхнула через него, ловким движением смахнула с пола свои футболку и джинсы, вышла из комнаты. Спустя минуту, в байковом халатике на голое тело, вернулась, подняла его одежду, развесила на деревянных плечиках, повесила в шкаф, что был вмонтирован в гарнитурную стенку. Взяла с кресла пульт дистанционного управления, включила телевизор и вместе с ним видеоманитофон.

– Ой!

На экране замелькали сплетенные в содомский узел тела – два голых мужика, роскошная шатенка в неглиже между ними. Пыхтят, стонут, барахтаются... Это смутило Юлю, и она поспешила вытащить кассету.

– Да ладно, я не против, – вальяжно улыбнулся он. – Интересно узнать, что там в мире происходит.

– Это не мир, это порнография, – мотнула головой девушка, сунув кассету в тумбочку.

Интересно, насколько обширная у нее фильмотека со вкусом клубнички? Похоже, Юля из тех девочек, что любят погорячей... Что ж, тем легче пройдет расставание.

– Да что вы говорите!..

Поджав губы, Юля вставила в магнитофон новую кассету. На этот раз его вниманию она представила «Двойной удар» с Ван Даммом. Пока Спартак наслаждался фильмом и комфортной обстановкой ее квартиры, она приготовила ужин. Салат «Оливье», отбивные в сырном кляре с жареным картофелем, поставила на стол бутылочку армянского коньяка, благополучно позабыв о той водке, которую он с собой принес.

Это был не просто ужин, это был самый настоящий пир – настолько вкусно Юля готовила. Они сидели в гостиной, на журнальном столике между блюд горели свечи, справа на экране телевизора крутился боевик. Ели они молча. Он смотрел фильм, попивая коньяк, она – на него. И его ничуть не раздражало, что Юля любит его. И не смущало. Ну что поделаешь, если девочка любит мужчин.

Наелся он до отвала. Во всем животе тяжело, а в самом низу пусто, ничего не зажигается там, даже не искрит. А Юля сама не пристаёт. Разве что обняла его легонько. Вернее, оперлась двумя руками на его плечо, уложив на сомкнутые кисти подбородок. Хорошее у нее качество – наслаждаться мужчинами молча. Интересно, всем ли ее партнерам это нравилось?

- Поздно уже. Я, наверное, пойду... – произнес Спартак без всякого желания уходить.
- Зачем?
- Ну, мало ли. Вдруг родители...
- Нет у меня родителей.
- Что, совсем?
- Типун тебе на язык. Отец в рейсе, а мама... У мамы теперь другой берег.
- В смысле?
- Она ушла от нас. Уже давно. У нее другая семья.
- Бывает.
- А отец в рейсе, – повторила девушка. – Он у меня капитан дальнего плавания. Ну, почти капитан... Старший помощник. Капитаном должен был стать, а тут страна развалилась, в пароходстве проблемы... Он в рейс вторым помощником ушел. И то, считай, повезло. Сейчас такая безработица, что простым матросом за счастье...
- Ну да, в дальнем плавании долларами платят.
- В том-то и дело. Раньше чеками платили, а сейчас в долларах.
- Ты их не продаешь? – в шутку спросил он.
- Нет ничего, – серьезно сказала она. – Мы с отцом ларек арендовали, деньги в товар вложили. Да и на взятку много ушло...
- А на лапу кому давали?
- Ну, это чтобы в рейс взяли. Там своя мафия.
- А где еще мафия?
- На рынке. Хочешь работать – плати.
- Я в курсе.
- Да я не жалуясь... Хотя с ларьком ошиблись. Не тот ассортимент выбрали. Если бы ларек на улицу выходил, к машинам, тогда можно было бы удачно сигаретами и шоколадками торговать...
- Так на улицу его вынеси. Проблем-то – кран подогнал, и все дела, – сказал Спартак и, не сдерживая себя, зевнул во весь рот.
- Да, наверное, – кивнула Юля, с грустью глянув на него.
- Похоже, она поняла, что ему не интересен этот разговор. Ему бы сейчас еще пару стопок зарядить, и на боковую. Что-то глаза слипаются. Так бывает, когда спиртное не веселит.
- Значит, ты одна живешь?
- Ну да, одна.
- Мы можем спокойно спать, и никто нам не помешает?
- Исключено.
- А ты хочешь спокойно спать?
- Ну, можно, – с покорным видом пожалала она плечами.
- Что-то настроения нет барахтаться.
- Юлю ничуть не разочаровало его нежелание повторить пройденное. Но ее явно обрадовало, что спать они легли в одну постель. Она обняла его руку, свернулась калачиком и, закрыв глаза, молча лежала, пока он не заснул.

4

- Юля проснулась рано. Сквозь сон Спартак слышал, как она гремела крышками на кухне, затем собиралась.
- Завтрак на плите, а мне на работу. На рынке увидимся...
 - Она ушла, тихонько закрыв за собой дверь.

Спартаку тоже нужно было подниматься. Наверняка Мартын валяет дурака в его отсутствие; надо бы озадачить его, да и самому пора впрягаться в дело. Но сон так разморил его, так не хотелось вставать, что он был готов махнуть на все рукой.

Зато Юля с утра не поленилась напечь ему сладких оладий с мелкими кусочками яблок, и это при том, что и отбивные еще оставались, и салат.

Спартак умылся, плотно позавтракал и с хорошим настроением отправился на работу. Хорошо, если бы каждое утро начиналось с такой мажорной ноты... Для этого нужно всего ничего – жить с Юлей. Но готов ли он к этому? Да и она может найти ему замену. Может, уже ищет. Может, Мартыну сейчас улыбается, приманивает его, привлекает. Или кого-то другого на прицел взяла... Он-то не ревнует. Но шаг почему-то прибавил.

Спартак выходил из подъезда, а ему навстречу торопилась та самая вчерашняя красавица-блондинка. Волосы распущены, глаза все так же ярко накрашены. Короткое кремовое платье из тонкой мягкой шерсти, поверх него короткая кожаная курточка нараспашку, походка изящная, от бедра, озорной цокот каблучков. Вот кого бы сейчас обнять и спать уложить, да так, чтобы покой только снился...

– Привет!

Окрыленный успехом с Юлей, Спартак почему-то рассчитывал на такую же легкую победу и над этой дивой. Он, конечно, не красавец, но, видимо, есть в нем что-то такое, отчего девушки теряют голову. Сильный он, напористый и смелый, как подобает настоящему мужчине.

– Привет... – останавливаясь, удивленно посмотрела на него девушка. – Мы с вами знакомы?

Она окатила его с ног до головы оценивающим взглядом, сжала губы и вытянула их в трубочку.

– Спартак. Теперь знакомы.

– Не думаю...

Похоже, она забракела его. Но Спартак не думал сдаваться.

– А ты к Юле?

– Э-э... А что? – Блондинка обеспокоенно нахмурила брови.

– Да нет, ничего, просто она сейчас на работе.

– Ну, если ничего, то я пойду, ладно?

Спартака она обходила, неприязненно выставив локоть, как бы отгораживаясь от него, чтобы случайно не коснуться. Он едва сдержался, чтобы не оскорбить ее вдогонку. Так и подмывало назвать ее сучкой... Но ведь она же не виновата, что Спартак ей не понравился. Рылом он для нее не вышел. А может, одеждой?

На рынок бригадир пришел в расстроенных чувствах и первым делом отправился к торговым рядам. Ему приглянулась куртка из тонкой кожи, легкая, стильная. И, главное, не очень дорогая.

– Хорошая куртка, бери, не пожалеешь! – уговаривал его кривоносый кавказец с трехдневной щетиной на двойном подбородке. – Вчера только из Румынии привез, ночью автобус пришел, видишь, даже побриться не успел, сюда торопился. Сейчас все раскупят...

– А в глаз? – оборвал его знакомый голос.

Спартак не заметил, как к нему подошел Хазар, но не выразил удивления, глянув на него. Тускло посмотрел, без эмоций.

– Ты че людей дуришь, ишак педальный? В рыло давно не прилетало?

Кавказец сник, опустив голову. Все правильно, Хазар – фактический хозяин рынка, спорить с ним себе дороже.

– Дерьмо у него, а не кожа, вся краска на одежде остается, – сказал Хазар, панибратски положив руку на плечо Спартаку. – Пошли, покажу тебе, где классные куртки. Там, дальше, в

конце этого ряда мужик стоит с бородой и в очках. Инженер бывший. Он реально в Турцию ездит, куртки у него – вещь. Бери длинную, чтобы зад закрывала, сейчас такие в моде...

– Ну, зад прикрыть – святое дело, – усмехнулся Спартак.

– Так и я о том же... Ты не торопись куртку покупать. Я тебе еще накину, может, супер-козырную вещь возьмешь... Пошли, пивка тяпнем, «Туборг» реальный подвезли, вещь!

Хазар подвел его к павильону, сваренному из железных листов, с шиферным навесом, под которым стояли столики летнего кафе. Фактически это была штаб-квартира рэкетирской бригады, контролировавшей барахолку. У мангала стоял узбек в грязном поварском колпаке; на шампурах, источая неповторимый аромат, жарилось мясо. Пиво подали холодное, в банках. Спартак с удовольствием сделал несколько глотков. Он ничуть не сомневался в том, что Хазару снова понадобилась его помощь. Так и оказалось.

– На завтра нам стрелу забили, – сказал бригадир, со смаком отрывнув пивные газы. – Клоуны московские, завтра их шапито здесь будет...

– Тот же цирк? – спросил Спартак.

Он сидел в пластиковом кресле с шаткой спинкой и поглядывал по сторонам. Торговый ряд ломился от товара, продавцы за прилавками нахваливали свое барахло, в проходе – толпа покупателей. Шумит барахолка, где-то в людском гомоне шуршат купюры. Одни покупают, другие продают, деньги переходят из рук в руки. Так было, так есть и так будет. И никому нет дела до бандитских разборок – даже торгашам без разницы, кто контролирует рынок, кто стришет с них шерсть. Тут как в Гражданскую войну – что белые грабят, что красные, что зеленые. Куда бедному мужику податься?..

– Нет, другой. Но такие же клоуны...

– И сколько их?

– Я не знаю...

Хазар нервно сжал в руке пустую банку, отбросил ее в сторону.

– Знаешь, я тут хотел спросить, да все никак... В общем, ты мне скажи: вот ты махаться умеешь, и пацаны твои. Конкретно машетесь, не вопрос. У нас в Репчино есть пацаны, которые тоже так могут, но как-то мало их, а у тебя все в бой идут. И чисто уличная закваска... У вас там дома что, стенка на стенку ходят?..

– Ходят, – кивнул Спартак. – И сейчас ходят, и раньше было...

Поселок у них небольшой, городского типа, ни одного частного дома, а за речкой город, как шутили в народе, поселкового типа. Там вообще ни одной многоэтажки, сплошь частный сектор. Лет двадцать назад в Знаменке Дворец молодежи построили, в современном стиле, как в больших городах, дискотека там лучшая в районе, она-то и стала яблоком раздора. В Княжевске решили, что дискотека должна принадлежать им по праву сильного, но пацаны из Знаменки встали на защиту своей собственности. И началось – драка за дракой, труп за трупом. Дрались насмерть; ножи, кастеты, молотки, арматура – привычное дело. Такая вражда пошла, что скоро бойцы и забыли, из-за чего все началось. Дискотека отошла на второй план, а бойня продолжалась. То знаменские ходили на княжевских, то наоборот. Спартак был одним из центровых этого движения, а его команда – лучшей.

– Хотя уже сейчас не так, как раньше, но все равно случается...

– Деревня на деревню?

– Что-то типа того.

– И много у тебя таких боевых пацанов?

– Со мной еще четверо.

– А вообще?

– Ну, есть еще, а что?

– Да мне люди нужны. Чем больше, тем лучше... Боюсь, что клоунов будет много. Есть подозрения. А у меня людей кот наплакал...

Хазар показал на своих бойцов, что сидели за двумя соседними столиками. Бритые головы, помятые лица. Вчера ходили по рынку, хорохорились, а сейчас пожухлые какие-то, невеселые. Видать, серьезные тучи над ними сгустились, потому и колотится Хазар.

– Я уже договорился, еще с десятков пацанов будет, но это не то. Мне бы твоих бойцов...

– Мои дорого стоят.

– Сколько?

– По шестьсот баксов на единицу рыла.

– Обалдел?

– Нет, просто продешевил. Я же не знал, что против нас реальные качки выйдут...

– Хорошо, пусть будет по шестьсот... Нет, по пятьсот. Но на тех, кто уже был. А на других, кто не был, по двести... Или пусть по пятьсот, но по бартеру, чисто шмотками. У вас там в деревне со шмотками туго, я же знаю...

– Не деревня у нас, а поселок. Городского типа. И одеваются у нас не хуже, – покачал головой Спартак.

– Ну да, ну да... – Хазар многозначительно глянул на его джинсы.

– Хорошо, пусть будет по двести. А остальное шмотками...

– Расчет потом!

Хазар выжидательно смотрел на него. Похоже, он не очень верил, что сможет отбиться на стрелке даже при всех мнимых и реальных подкреплениях. Задавит его вражья сила, тогда и деньги платить не надо будет. Да и товар неоткуда будет взять, если рынок у него заберут.

– А я и не говорю, что сейчас. Сначала работа, потом расчет.

– Это правильно. Значит, по рукам?

– По рукам.

– Теперь давай конкретно, сколько пацанов сможешь выставить?

– Ну, это домой звонить нужно. Гобой сейчас там, он может собрать толпу, – вслух подумал Спартак. – Думаю, человек десять соберет...

– Нехило. Десять рыл – то, что нам сейчас надо... А ехать далеко?

– Да километров сто будет.

– Когда подъедут?

– Ну, думаю, завтра утром выедут. На рейсовом. К обеду точно будут...

– Нормально... Пошли!

Хазар завел Спартака в павильон, одну половину которого занимала кухня, а другую – питейный зал. Барная стойка с пустыми стеллажами за ней, столики, диваны по углам. Пыльно здесь, грязно, одним словом, убого. На стойке находился телефон с замусоленным наборником номера. Хазар молча ткнул в него пальцем и вышел под навес.

Гобой был дома, завтра рано утром собирался ехать обратно. Спартак озадачил его, велел пройтись по адресам самых лучших ребят из тех, кого они оба знали. Ему нужны были лучшие бойцы, и Гобой прекрасно понял, для чего. А положиться на него можно.

Хазар ждал Спартака за столом, перед ним дымилась тарелка с шашлыком, рядом томилось пиво в банках.

– Ну что?

– Завтра будут.

– Уверен?

– На все сто я уверен только в том, что когда-нибудь помру, – ухмыльнулся Спартак. – А так – процентов на девяносто.

– Ну, хотя бы так... Давай налегай, – Хазар показал на шашлык, протянул ему банку пива. – Сегодня только свиным предложить могу. А завтра врагов своих будем жарить. И кровь их пить...

Чувствовалось, что парень сильно переживал за завтрашний день, потому и нес ахинею.

– Да, кстати, раз уж ты мне помог, я тебе одну вещь скажу, – раскинувшись в кресле, с вальяжной снисходительностью изрек Хазар. – Жизнь у нас сейчас такая, сплошной бизнес. Все чисто на бабках, на интересах. Вот у меня к тебе есть интерес, потому и бабки готов платить. Я все правильно делаю, а ты – не совсем. Деньги вперед брать надо. Хотя бы половину. А ты как лох... Ладно со мной, тут все реально – сначала стулья, потом деньги. Ты с Артуром честным хочешь быть, кафе построил, все дела... А где Артур? Где деньги? Завтра придет новый хозяин, скажет, вот документы, кафе теперь мое, а про деньги ничего не знаю...

– А документы есть? – мрачно усмехнулся Спартак.

– Не уверен... Здесь вообще ничего строить нельзя, разрешения на строительство никто не даст. Артур строит, потому что наглый...

– Ну, может быть...

– Ему тут ларьки строили, такая же шабашка была, как у вас. Так он мужиков конкретно кинул на бабки. И с вами так же будет.

– Поживем – увидим, – с мрачным видом отозвался Спартак.

Он собирался дать бой Артуру, но все-таки полной уверенности в победе у него не было.

– Ты, главное, спуску ему...

Хазар не договорил: ситуация вдруг взорвалась, разрушая досужий покой.

В проходе между торговыми рядами показалась плотная толпа крепких на вид парней в кожаных и джинсовых куртках. Как стая волков вспугивает на своем пути лесных ворон, так и эти ребята одним своим видом поднимали с насиженных мест торгашей. В преддверии большого шухера продавцы торопливо распахивали свой товар по сумкам, а покупатели пугливо разбежались, чтобы не попасть под горячую руку.

– Атас, братва!

Надо отдать должное Хазару и его пацанам, они не трусили, не побежали, хотя и навстречу агрессивной толпе не вышли. Так и остались стоять под навесом, когда их накрыла эта оголтелая волна. И Спартак остался с ними, решив для себя, что связан с ними договором.

Нападавших было как минимум вдвое больше, и все как на подбор: мощные, злые и горячие. На Спартака набросились сразу трое. Он смог отбить кулак, но пропустил удар в живот. Это скорее разозлило его, чем вывело из равновесия. Удары градом сыпались на него со всех сторон, но он твердо стоял на ногах. Правда, ему больше приходилось обороняться, нежели атаковать. Не было напора, натиска, без которых победы не видать. Спартак тупо отбивался, пропуская убийные удары, от которых взрывалось в голове.

Другой на его месте давно бы уже упал, а он стоял как вкопанный. Лицо не просто разбито, все на нем всмятку, а он держится. Хазар уже валяется где-то под ногами, там же и его бойцы, не считая тех, кто все-таки убежал, не выдержав температуры боя. А Спартак все стоит. Его уже всемером лупят, а он все еще на ногах. Хотя уже ничего не сообщает.

Толпа расступилась и удары перестали сыпаться на него, только когда его качнуло из стороны в сторону, в отбитых мозгах что-то щелкнуло и он, теряя сознание, рухнул наземь...

5

Тучный водитель хлопал глазами, глядя, как проходят мимо него рослые, грубой закваски ребята.

– Эй, сколько там вас?

– Нормально, командир! Все вышли!

Гобой хлопнул по плечу Артюху, что вышел из автобуса последним, и помахал водителю рукой. Все, можно жать на клавишу пневмопривода, закрывать за ними дверь.

Спартак просил, чтобы он привез с десяток пацанов. Гобой обошел всех, кого нужно, но вечером позвонил Мартын, сказал, что бригадира отоварили какие-то отморозки, с которыми

надо было разобраться. И утром на автостанции Гобоя ждали без малого двадцать человек. Все, кто мог, хотели ехать в Репчино. Спартак среди пацанов – личность авторитетная. И в драке первый, и бригаду строительную сколотил, чтобы деньги конкретные зарабатывать. Многие в эту бригаду просились, да не всех брали. Не все же ПТУ строительное заканчивали, не у всех опыт был. Да и не все в закадычных друзьях Спартака ходили.

Гобой собрался вести толпу к рынку, когда вдруг появился Мартын.

– Чо за дела, где Спартак? – потирая кулаки, спросил инфантильный Бабай.

– В больнице...

Мартын подал руку ему, затем Гобоем, Угрюму, Бесу, Тапычу, Кегле, Маралу...

– В какой больнице? Когда Спартак в больнице лежал? Не помню, чтобы он на койке валялся. Не было такого никогда. Не может Спартак в больничке... Не помню, чтобы так было. Нет, не может...

Похоже, Бабая заклинило. Бывает с ним такое. Иногда, глядя на него, у Гобоя возникала мысль, что все его серое вещество в костный мозг преобразовалось. Кости у Бабая крепкие, и череп тоже прочный, но внутри слабина. Зато каменщик он хороший, и в драке всегда первый...

– Да так и лежит... Там такая толпа навалила, что ваще. Человек двадцать, качки, в натуре, каратисты. Ну и Спартаку навалили...

– А ты где был? – жестко спросил Гобой.

– Только давай без этого? – скривился Мартын. – Я вообще не знал, где Спартак. Он у телки ночевал, потом пришел, с Хазаром о чем-то в его кафешке говорил...

– Стрелка сегодня должна была быть, Хазару люди нужны, – Гобой кивнул назад, за спину, за которой тихонько гудела встревоженная толпа.

Говорить приходилось громко, потому что мимо, по дороге, взад-вперед с шумом проносились машины. А за дорогой – рынок, и, судя по всему, воспринимать его нужно как чужую крепость. Штурмом этот бастион надо брать.

– Ну да, стрелка сегодня должна была быть, а наехали вчера. Без всяких стрелок. Спартак с Хазаром перетирал, а тут московские, и с ходу в махач, – рассказывал Мартын. – Я слышу, шум какой-то, выхожу, гляжу, Спартак стоит, а ему со всех сторон загружают. Он один, а там целая толпа. Он молоток, до последнего держался. Эти, московские, смотрят на него, офигевают. Столько ввалили, а он стоит. Ну, пока я подбежал, он упал. Я его схватил, к вагончику потащил, а московские смотрят, не трогают нас. Конкретно Спартака зауважали...

– Так он что, в вагончике? – сморозил Бабай.

– Какой вагончик? Ему челюсть сломали, нос, зубы выбили. Сотрясение мозга... Э-э, нет, не сотрясение, ушиб. А ушиб – это серьезно. Ну, тебе этого не понять...

– Почему?

– Ушибать нечего. Спокойно, – поднял руку Мартын, – проехали!

– Куда проехали? Еще не проезжали. Козлов этих московских гасить надо! – сквозь зубы злобно процедил Бабай.

Гобой внимательно посмотрел на него. Может, не все у него ладно с головой, но в одном он прав: за Спартака надо отомстить. Знаменские пацаны на том и стояли, что всегда мстили за своих. Жестоко, беспощадно.

– Где они сейчас?

– На рынке. Хазара выбили, теперь сами заправляют. Еще вчера по рядам прошли, дань собирали. Мне за всю жизнь столько не заработать, сколько они за раз собрали...

– Ты что, считал?

– Нет, не считал. Но знаю... Я не понял, ты чо, основной здесь? – Выпятив грудь, Мартын развел в стороны руки.

Сейчас он был похож на бойцовского петуха перед дракой.

– Так, что тут за срач? – вмешался доселе молчавший Угрюм.

Обычно невозмутимый, он начинал выходить из себя, когда свои начинали грызться между собой. Не любил он раздрая и готов был уgomонить любого – что Мартына, что Гобоя. А с ним лучше не связываться.

– Слышь, братва, я не понял, чего мы здесь стоим? – спросил рыжеволосый Тапыч. – Спартака отоварили, надо за него спросить, а мы тут на ровном месте топчемся... – Он достал из кармана кастет, натянул его на пальцы, сжал кулак.

– В натуре, как неродные, – кивнул Бес, вытаскивая из сумки дубовое топориче с обрeзанным рубилом.

Лед тронулся, и Гобоя ничего не оставалось, как гнать его по течению. Толпа двинулась к рынку, не обращая внимания на машины. Автомобили останавливались, сигналили, но в них вдруг полетел камень, который поднял с обочины низкорослый задиристый Малек. Пацаны заряжались на грядущую драку, и случайным прохожим было лучше их не задевать.

– А больница далеко? – спросил долговязый Кегля.

– А чо, Спартака проведать хочешь? – широко шагая, улыбнулся Мартын.

– Ага, сейчас с козлами разберемся и к нему поедем...

– Поедем, если им рога обломаем...

– Как он там? – спросил Угрюм.

Ему явно не хотелось ввязываться в драку: семья у него, жена любимая, ребенок, но и отступить он не мог. Не так воспитан.

– Говорю же, ушиб всей башки. Так отмудохали, что мама не горюй.

– Как это не горюй? Оксана Викторовна должна горевать, – возмущенно высказался Бабай.

– Ты ей ничего не говорил? – спросил у Гобоя Мартын.

– Да не надо ей знать, переживать будет.

Спартак у Оксаны Викторовны – единственный сын, она за него очень переживает. Он ей обещал, что драться больше не будет, а тут челюсть навyleт. Узнай она об этом, и кондратий хватит... В общем, не стал Гобой ничего ей говорить.

– И правильно... Ничего с ним не будет. Да и есть кому за ним присмотреть, – усмехнулся Мартын. – Девчонка у него, он у нее сегодня ночевал. Ты ее знаешь, она в ларьке торгует... Сейчас покажу, в каком, только ты ничего не спрашивай. Не до того сейчас!

Они втягивались в главные ворота рынка. Справа в глубь территории тянулся ряд железных ларьков, слева виднелась площадка кафе, которое строила их бригада.

Действительно, не до девчонок сейчас. На площадке стояли рослые, не робкого десятка ребята в кожаных куртках. Двое оживленно о чем-то разговаривали, тыкая пальцами в окна строящегося здания, еще четверо полукругом стояли рядом. К ним и направился Гобой.

Кожаные засуетились, заметив надвигающуюся толпу. Навстречу Гобоя вышел крепко сбитый парень с не по годам морщинистым лбом и раздутыми, как у хомяка, щеками. Куртка поверх майки-борцовки, на могучей шее золотая цепь в палец толщиной, пальцы-сардельки унизаны печатками. Видно, что крутой мэн, упакованный по полной программе. Гобой в своей убогой курточке смотрелся на его фоне как минимум серой мышью. Да и в габаритах значительно уступал. А говорить с этим «хомяком» должен был он, и никто другой. И вряд ли он сможет его «переговорить»: веса для этого не хватает.

– Я не понял, это что за колхоз? – презрительно скривился авторитетный браток. – Я не понял, кто трактористов вызывал!

Его «быки» оскалились в пренебрежительных усмешках. И эти выглядят внушительно, не чета знаменским пацанам. Глядя на них, Гобой четко понимал, что не сможет внушить им страх на словах. А если так, то незачем с ними говорить.

– Мы не трактористы, мы мельники, – скорей самому себе, чем кому-то еще, сказал он.

И, сблизившись с щекастым, наотмашь ударил его кулаком в челюсть. Удар не сильный и не очень резкий, браток должен был уклониться. Точно, вот он присел. Но Гобой не просто промазал, он еще и резко ушел в сторону. И тут же из-за его спины вынырнул Угрюм. Это была домашняя заготовка, и удар у него по-домашнему щедрый, наваристый. Кулаком в нос. Браток, похоже, даже не понял, что произошло, как отрубился. Что-что, а бить Угрюм умеет...

Качки попали под раздачу точно так же, как вчера под нее угодили Спартак и Хазар. Толпа загнала их на площадку и прижала к стенам кафе. В ход шли кулаки, кастеты, палки. Свалив жертву на землю, пацаны продолжали добивать ее ногами, жестоко и не по-джентльменски. Но знаменские по-другому и не умели: слишком суровые были у них учителя из Княжевска. Там еще те оторвы...

– Атас!

Сегодня понедельник, народу на рынке так себе, поэтому хорошо было видно, как из его глубин к кафе на помощь своим друзьям бегут атлетического сложения парни. Вот один из них остановился у ларька, обшитого брусками, стал выламывать из него палку. К нему присоединились другие...

Но Гобой не стал ждать, когда эти семеро вооружатся – он двинул на них толпу, и снова над рынком встревоженными птицами заметались крики, стоны, проклятия. Что-то громко хрустнуло – то ли палка, то ли чья-то сломанная кость. Звонко упал на асфальт выбитый из руки обрезок стальной трубы, чья-то цепь со свистом взбила воздух над головами и утонула в бурлящей массе.

Пока били одних качков, от побоев оклемались другие. Двое из них уже кинулись в драку, собираясь атаковать знаменских со спины, когда вдруг послышался вопль, предупреждающий о появлении ментов.

Гобой с удивлением смотрел, как в кровь избитые качки бросаются врассыпную. Впрочем, понять их можно. Поняли, что хана им, а тут такой повод выйти из драки с потрепанной, но все же уцелевшей честью. Потому и ломанулись они к выходу, хватая под руки тех, кто сам уже не мог держаться на ногах.

Тревога не была ложной – к толпе знаменских действительно бежали менты, человек пять, в куртках с накладными погонами, с пистолетами в кобурах, у двоих в руках мелькали резиновые дубинки. Но пацаны и не думали разбежаться. В Знаменке на ментов давно уже не реагируют. Если тем вдруг взбредет в голову разогнать «демонстрацию», то их самих могут отоварить под завязку. Такое не раз уже случалось. Более того, появление ментов, как правило, становилось поводом для временного перемирия. Прямо на поле боя знаменские объединялись с княжевскими и дружно наваливались на стражей порядка.

Знаменским сейчас не с кем было объединяться, но их в разы больше, чем ментов. И плевать на стволы, на дубинки.

– Я не понял, чо за дела? – хлопнув расквашенным носом, заорал Бес.

– Менты – козлы! – гаркнул Бабай.

И толпа дружно двинулась на ошалевших от такой наглости ментов. Один из них достал пистолет, другой схватил его за руку, заставляя вернуть ствол на место.

– Вы что, уроды, уши поели?! – заорал на толпу кучерявый, с тонкими усиками, капитан.

– Кто уроды?

Пацаны ускорили шаг, и ментам ничего не оставалось, как retirроваться. Бежали они картинно, с достоинством, неторопливо, с манерной отмашкой рук, чинно прижимая к бокам болтающиеся при движении кобуры. И все-таки это было бегство.

Гобой осмотрелся по сторонам. Рынок опустел: и братва московская разбежалась, и менты, и народ.

– Ну, и что дальше? – спросил он.

Действительно, что делать им дальше? Остаться на рынке? Так ОМОН появиться может. Москва рядом, омовцев там пруд пруди.

– С ментами нехорошо вышло, – Мартын ощупал пальцами красное распухшее ухо. – Как бы они нас не прессанули... Отмазка нужна. Хотя с этим просто. Мы здесь работали, кафе строили, никого не трогали, а братва наехала, нас самих строить начала. Ну, мы их и отоварили, как просили...

– А ментов зачем погнали?

– Так думали, что это купленные менты. Ну, с пылу с жару и наехали. Типа сгоряча...

– А что, правильно говорит, – кивнул Угрюм. – Мы свою работу защищали. И себя. А как быть, если менты нас не защищают?

– Так, может, в ментовку пойдем? – спросил Бабай. – На хрен там все разнесем! Ну, если не защищают!.. Ежели так, зачем они такие нужны? А если не нужны, то гасить их всех!

– Иди, – как на безнадежного, посмотрел на него Мартын. – Только сам. И скажи, что мы тебя не знаем...

– Как это вы меня не знаете! – возмутился Бабай.

Но Мартын и Гобой дружно махнули на него. Пацан, как обычно, в ударе, несет чушь на дырявом подносе, и не стоит обращать на него внимания.

– Домой надо ехать, – сказал Угрюм. – Отмаз у нас, может, и есть, но если ОМОН появится, сначала бить будут, а потом спрашивать...

– Тебе бы все на печку к своей бабе, – поморщился Мартын.

– Может, Угрюма под юбку и тянет, но он дело говорит. Нам здесь оставаться нельзя, – покачал головой Гобой. – Домой надо ехать. Ты, Угрюм, пацанов отвезешь, а мы к Спартаку...

– Э-э, погоди домой! – вскинулся Бес. – А как насчет бабок?

– Вот об этом со Спартаком и поговорим, – скривился Мартын.

Гобою тоже не нравился этот разговор о деньгах – ясно же, что ситуация свернула налево, в потемки, где ничего не ясно. Не за деньги они сегодня дрались, а за Спартака. Но чморить Беса не стоит. Ему обещали навар, и он его ждет. Возможно, сам поймет, что фишка легла на ребро. Если нет, надо будет ему объяснить. Но не сейчас...

Глава вторая

1

Окно извивалось, как отражение в кривом зеркале, но вот линии стали выпрямляться, появились прямые углы. В ушах шумело, тошнота под горлом, в голове каша. Лицо распухшее, на носу гипс, во рту проволочная шина, на ребрах тугая фиксирующая повязка. Больно, очень больно. Но Спартак умел терпеть...

Сильно ему досталось. Просто растоптали его московские «быки», всем стадом прошлись по его костям. Никогда его еще так не загружали, чтобы и ушиб мозга, и нос всмятку, и челюсть набок, да еще по ребрам жестко настучали. Ну, и три зуба долой. И состояние такое, как будто только что из-под танка выбрался. А он-то думал, что кости у него сверхпрочные...

Сначала открылась дверь, а потом послышался голос медсестры:

– Девушка, нельзя к нему! Состояние очень тяжелое!

Но Юля все равно зашла в палату, и тут же вслед за ней, по-утиному переваливаясь с ноги на ногу, порог переступила грузная женщина в белом халате. Спартак четко видел ее, его взгляд не расплывался и, наверное, со стороны казался вполне осмысленным. Он улыбнулся медсестре и весело подмигнул Юле.

– Смотри, оклемался! – удивленно протянула женщина. И, махнув на Юлю рукой, вышла из палаты. – Только недолго! – закрывая за собой дверь, добавила она.

Палата, конечно, была не фонтан. Паутина трещин на стекле, потолок облупленный, стены грязные, в каких-то бурых разводах, тараканы по тумбочкам бегают. Зато в ней, кроме Спартака, никого не было. Палата не одиночная, еще две койки слева-справа, но никого сюда не положили. Может, врачи понимали, что Спартак стал жертвой бандитской разборки, может, не хотели неприятностей для других пациентов. Мало ли, вдруг бандиты ворвутся, чтобы его добить, наломают дров...

– Как ты себя чувствуешь? – обеспокоенно спросила Юля, поставив на тумбочку пакет с продуктами.

Спартак благодарно улыбнулся ей. Может, она и не красавица, но видеть ее здесь было приятно.

Юля могла бы сесть на соседнюю кровать, но она не торопилась этого делать. Ничуть не смущаясь, она вынула из-под кровати «утку», вопросительно посмотрела на него.

Он кивнул. Хотелось бы самому сходить к «пруду», в котором плавают такие «утки», но ему нельзя подниматься. Да и упадет он, если встанет... Или нет?

Не стесняясь, Юля подняла одеяла, стянула со Спартака трусы, подставила «утку»... Да, с такой девчонкой не пропадешь.

– Ты не можешь говорить?

– Оу!

Он хотел сказать «могу», но вышло что-то нелепое. И все-таки Юля поняла его.

– Хорошо, что можешь... Как самочувствие?

– Как на собаке.

Шина, фиксировавшая сломанную челюсть, мешала говорить, но Юля снова поняла, что он сказал. Или сделала вид, что поняла.

– Мы с Мартыном тебя на «Скорой» увозили, – сказала она. – Ты вчера еле живой был... Я хотела остаться с тобой, но мне не разрешили...

Спартак нахмурился. Интересно, что было дальше, после того, как они с Мартыном оставили его? Может, она не с больным хотела остаться, а со здоровым? К себе домой Мартына повела, кассету с порнушкой в магнитофон вставила... Видно же, что Юля доступная, если со Спартаком в первый же вечер легла, то и Мартыну обломится. Или уже обломилось...

– А сегодня останусь, – сказала она. – Тут койка свободная, лягу... С врачом договорюсь.

Спартак усмехнулся. С врачом она и вчера могла бы договориться, но тогда у нее Мартын в планах был, поэтому и ушла с ним. А сегодня Мартын ей уже неинтересен и она решила остаться здесь. А заодно с врачом познакомиться.

– Я знаю, тебе сейчас больно должно быть, – сказала она, с нежностью глядя на него. – Я же все это знаю. Я медучилище закончила, почти год в больнице отработала. Обезболивающие надо колоть, тогда легче станет... Тебе делали обезболивающий?

Спартак отрицательным жестом повел головой, но это вызвало болевой приступ.

– Ничего, я поговорю с врачом. В аптеку схожу, если у них нет...

С врачом она поговорит... Улыбнется ему, даст понять, что не прочь закрутить с ним роман. Спартаку сделают обезболивающий укол, это усыпит его. Ночью он будет спать, а она – зажигать с дежурным врачом в ординаторской. Если медсестрой была, то ей к такому бардаку не привыкать.

Дверь в палату открылась, и снова послышался голос медсестры:

– Да что же это такое! Нельзя туда!

Но ей не удалось остановить Гобоя, Мартына и Бабая.

– Уважаемая, ну чего вы так разоряетесь? – строго посмотрел на женщину Мартын. – Нервы беречь надо. И укреплять. Например, шоколадом. – Он протянул медсестре плитку шоколада размером с полкоробки конфет. – Мы всего на пару минут!

Мартын подмигнул Спартаку и мило улыбнулся Юле. Вернее, он попытался подмигнуть ему, но это у него получилось плохо. И старые «фонари» еще светили под глазами, и новая опухлость появилась, какое уж тут подмигивание. Зато улыбка удалась. Потому что нравилась ему Юля. И она в ответ улыбнулась ему так же тепло. Точно, между ними что-то было.

Вломить бы Мартыну за вероломство. Но ведь Юля еще не считалась его девушкой. Так, случайное знакомство. Что-то в этом роде она могла сказать и Мартыну, а тот и поверил. Пацан всего лишь воспользовался моментом...

– Да, конкретно тебе навалили, – глядя на Спартака, покачал головой Мартын. – Но ты не думай, мы за тебя спросили. Гобой пацанов привез, мы на рынок зашли, отоварили московских. Нет их, разбежались...

– Разбежались, – кивнул Гобой. – Мы бы их в асфальт укатали, так менты появились, и они разбежались...

– А мы на ментов! – ликующе засмеялся Мартын.

И снова глянул на Юлю. Дескать, смотри, какой я герой!

– Менты от нас рванули!.. Ну, мы догонять их не стали, пусть живут...

– Не стали догонять, – усмехнулся Гобой. – И они нас тоже не догонят. Угрюм пацанов домой повез, а мы к тебе. На рынке сейчас никого...

– А Хазар?

Спартак очень хотел знать, что стало с Хазаром, но, похоже, ни Мартын, ни Гобой не разобрали его слов. Недоуменно на него посмотрели, несколько раз переглянулись.

– Он про Хазара спрашивает, – пояснила Юля.

Только она понимала Спартака. Потому что хорошая девчонка. Даже обидно, что шлюха...

– А-а, Хазар! – всплеснул руками Мартын. – Так Хазара выгнали. Его пацаны к машине на руках вытащили. Сами еле шли, так им ввалили... Их быстро отоварили, это ты долго стоял, как пугало перед воронами...

Спартак возмущенно повел бровью.

– Ну, в смысле, они вокруг тебя кружат, а свалить не могут... Я к тебе бегу, они ко мне, про тебя забыли, ты только тогда свалился. Лег и лежишь... Я думал, они мне люлей отвесят; нет, не тронули... Потом Юлька появилась... Ревет, слезы по щекам размазывает... Телефон там был, «Скорую» вызвала... Не, она все правильно сделала, не вопрос. Я бы не догадался. На тебе же всегда как на собаке...

– Ну что ты такое говоришь? – Юля рассерженно глянула на Мартына. – Какая он тебе собака? То пугало, то собака!..

– Э-э, ты чего, мы же по-свойски!

Мартын широко улыбнулся и попытался обнять ее за плечи, но она оттолкнула его руку. Однако Спартака не обманешь. Как говорится, милые бранятся – только тешатся. Но кулак Мартыну он все-таки показал. И не так уж это было больно руку поднять... На нем действительно все заживает, как на собаке. И не задержится он в больнице.

– Ты это, хорош по-свойски! – подал голос Бабай. – Видишь же, Спартак говорить не может. А ты – пугало, собака...

– Тем более тебя про Хазара спросили, – с упреком посмотрел на Мартына Гобой.

– Так я откуда знаю, где Хазар? Выбили его с рынка, больше он не появлялся...

– А мы московских выбили, – подхватил Гобой. – А сами ушли. Теперь Хазар появится, снова торгашей будет бомбить. А пацаны про деньги спрашивают...

Спартак прикрыл глаза, напрягая веки; этим он давал понять, что решит проблему. Он с Хазаром договаривался, он с него и деньги выбьет. Не сейчас, конечно, потом...

– Мы вот думаем, что нам делать? – замялся Гобой. – Пацаны домой уехали, может, и нам тоже? За тебя спросили, дело сделали, теперь надо ждать, когда все уляжется...

– Домой, – сквозь зубы, почти не двигая нижней челюстью, сказал Спартак.

На этот раз пацаны поняли его без подсказки со стороны Юли. Только Мартын не очень обрадовался. Похоже, он был не прочь погостить у Юли. И квартирка у нее супер, и готовит она вкусно, и омлеты по ночам будут, и оладьи по утрам...

– Я, если что, на связи буду, – сказал Гобой. – А послезавтра приеду...

– Ты это, выздоравливай поскорей, – Бабай поднял руку на уровень своего носа и показал Спартаку ладонь, которую тут же сжал в кулак.

– Но пасаран! – повторил за ним Мартын.

Он отказался ехать домой, сослался на то, что нужно смотреть за стройкой. «Дело, конечно, нужное, но ведь не за тем остался», – скрипнул зубами Спартак и тут же сморщился от боли.

Друзья ушли, но и Юля тоже исчезла вслед за ними. Вернулась она через полчаса.

– С врачом договорилась, буду с тобой ночевать, – радуясь, сообщила она. – И укол тебе сделают... Знаешь, я сейчас домой съезжу, вещи кое-какие возьму. Скоро буду...

Спартак закрыл глаза. Все ясно. С Мартыном договорилась, он к ней домой поехал, там ее будет ждать, за пару часов они успеют... Пусть едет. Ему и без нее хорошо...

Только Юля ушла, как появилась медсестра, сделала Спартаку обезболивающий укол, боль стихла, сознание окутала сонная дрема...

Проснулся Спартак вечером, когда за окном уже стемнело. Юля лежала на соседней кровати, читала книгу. Он пошевелил рукой, и она немедленно отреагировала. Сначала помогла ему справиться нужду, потом покормила через резиновую трубку. Неприятный процесс, но не помирать же с голоду.

Ночью ему снова сделали укол. Засыпая, он видел, как Юля поднимается с постели. И делала она это так осторожно, что ни одна пружинка не скрипнула. Вот она бесшумно подкралась к двери и исчезла... Сначала с Мартыном, теперь с врачом. Ну почему она такая?

2

Тихо на рынке, непривычно тихо. Торговцев мало, а покупателей еще меньше. Хотя сегодня пятница, народу должно было быть гораздо больше...

Зато Хазар на месте. Сидит за столом в окружении своих «быков», пьет пиво, зубами сдергивая с шампура аппетитные куски мяса. Спартак и сам бы не отказался от шашлыка. Но нельзя ему, проволочные шины все еще фиксируют сломанную челюсть. Хорошо, гипсовую нашлапку с носа сняли.

Никто не выписывал его из травматологии, сам ушел. Надоело лежать. Да и Юлия обещала обеспечить ему больничный режим у себя дома. Но по пути к ней он заглянул на рынок. Не хотела она его сюда пускать, боялась за него. Но ведь она ему никто, почему он ее слушать должен?

– А-а, какие люди! – Хазар поднялся ему навстречу, раскинул для объятий руки. – Заходи, дорогой, гостем будешь!

Обниматься со Спартаком он не стал, но руку пожал крепко. Отметил про себя, что у того желто-коричневые отеки под глазами, со щеки еще опухлость не сошла. Тоже парню досталось в недавней драке.

– Шашлык-машлык?

В ответ Спартак оскалился, обнажая проволочную конструкцию, опоясывающую нижний ряд зубов с пробрешинами в них.

– А-а, понятно! Я сам только-только жевать начал. Челюсть, падлы, выбили... А ты молоток, до последнего держался! – щедро улыбнулся Хазар.

Его «быки» смотрели на Спартака молча, но с уважением. И без былой уверенности в своих силах. Они явно ждали нового налета, который мог стать для них последним...

– И пацаны твои круто на этих клоунов наехали. Не знаю, что бы делал, если бы не они...

– И я о том же.

Спартак по-прежнему говорил, не разжимая зубов, но его уже можно было понять. Наловчился, что называется.

– Спасибо тебе, братан... Кстати, Карен подходил, спрашивал за тебя. Я ему сказал, чтобы они вас не обижали, а то со мной дело иметь будут. Сказал, чтобы они полностью с вами рассчитались...

– Я не просил.

– Ну, просил – не просил, а я за тебя, парень, горой.

– Не надо горой. Надо расплатиться. Люди спрашивают, где деньги.

– Почему только деньги? – расстроено поморщился Хазар. – Где-то деньги, где-то шмотки... Я твоих пацанов не видел, но говорят, одеты они стремно. Да и ты не фонтан смотришься. Вам бы гардеробчик сменить...

– Так в чем же дело?

– Ты же сам видишь, что с рынком творится. Ни барыг, ни покупателей. Боятся люди сюда ходить. А почему, сам знаешь. Погром за погромом, вот народ и разбежался. Если дальше так пойдет, барахолку вообще закрыть придется...

– А мы здесь при чем?

– А что, ни при чем? А погром кто устроил? Надо было московских на пустырь увести, чтобы никто ничего не видел, а вы прямо здесь на них насели. И на ментов еще наехали... Менты здесь теперь каждый день шерстят, достали уже. Ни нам работать не дают, ни людям. Потому и рынок пустой...

– Мы, значит, во всем виноваты?

– Да ты не кипятись, никто вас ни в чем не винит. Так, что было, то и сказал... Да и не за нас твои пацаны дрались, а за тебя мстили...

– Но ты же на коне?

– Да как сказать... Сам видишь, никакого навара с такой торговли...

– Значит, ты нам ничего не должен? – жестко спросил Спартак.

Хазар прекрасно понимал, что это угроза. Если он не уступит, завтра здесь будет вся Знаменка, и тогда с барахолки выметут его самого. Наверняка его такая перспектива не устраивала, но и с наличностью у него, видимо, напряженка. Вернее, он хотел убедить в этом Спартака.

– Не, ну почему не должен? Должен. Просто проблемы у меня, сам должен понимать. Знаешь, сколько ментам пришлось отдать, чтобы нас не прессовали?

Спартак не повелся на этот вопрос, промолчал. Ведь это явный намек со стороны Хазара, что проблемы с ментами создали знаменские, а кое-кто их разгребает. Но Спартак сделал вид, что ничего не понял.

– Напряги у нас сейчас со всех сторон...

– Я тебя понял.

– Да ничего ты не понял... – занервничал Хазар. – Тебе вынь да положь, а у меня нет ничего... Ну, две штуки найду...

Спартак понимал, что это всего лишь попытка отделаться от него малой кровью. Дескать, и две штуки – это целое состояние. А потом еще что-нибудь перепадет... А может, и нет... Может, раны затянутся и все забудется. Или со временем Хазар в такую силу войдет, что и не надо будет ни с кем церемониться.

Но Спартак ничего не забудет. И силой его не напугаешь. Он возьмет две тысячи для знаменских пацанов и сто баксов на лапу – богатство. А потом он еще возьмет с Хазара, и никуда тот от него не денется. Время нынче такое – за кем сила, тот и прав. А Знаменка за ним горой.

– Хорошо, пусть пока будет две штуки.

– Заметано.

Хазар зашел в павильон, минут через десять вернулся с деньгами, сунул Спартаку в руку свернутую в тощий жгут стопку потрепанных зеленых купюр.

– Здесь пятьсот. Еще полторы завтра будут. Итого две штуки. Твоим пацанам за счастье. А с тобой мы потом рассчитаемся...

Спартак внимательно посмотрел на братка. Вроде бы не чувствовалась в его словах угроза, но ведь рассчитаться можно не только добром, но и злом. Нет человека, нет проблемы... Может, Хазар и не имел в виду ничего дурного, но все равно как-то беспокойно стало на душе. Впрочем, по-любому с этим парнем нужно держать ухо востро. Все-таки бандит он, а не ангел...

К тому же обманул его Хазар. Причем обман этот двойной. Сначала всего две тысячи, затем еще меньше – четверть от этого. И вряд ли завтра будет полторы штуки... Но деньги Спартак взял. С паршивой овцы хоть шерсти клок. Только пусть больше не кричит эта овца: «Волки! Волки!» Не будет Спартак ему помогать. Пока не расплатится до последнего цента, больше никакого сотрудничества. А если вообще не расплатится, надо будет его наказать... Видно же, что не хочет бандит расставаться со своими деньгами. Значит, час расплаты уже близок. Если московские смогли выместить его с рынка, то и знаменские с этим справятся. Все, хватит быть дураком!

Попрощавшись с Хазаром, Спартак отправился на стройку. Там сейчас Гобой дежурит, он еще вчера приехал из Знаменки, чтобы сменить Мартына.

Его Спартак увидел на площадке. Миша разговаривал с двумя откормленными брюнетами, в которых он узнал Артура и его брата Карена.

– А-а, Спартак! – нехорошо улыбаясь, поприветствовал его Артур, не старый еще мужчина с хитрыми прохиндейскими глазками.

Он не распахивал объятия, и руку Спартаку подал с большой неохотой. А бровастый толстощекий Карен вообще лишь скользнул влажной рукой по его ладони. Дескать, рылом не вышел, чтобы с тобой ручкаться. Видно, что перед старшим братом рисуется.

– Я смотрю, дела у тебя хорошо идут, – с заметным акцентом сказал Артур. – Когда крышу ставить будешь?

– В понедельник начнем.

– Это хорошо. Это очень хорошо... А чего говоришь так плохо? Болит что-то?

– Челюсть у него сломана, я же говорил, – сказал Гобой.

Но Артур небрежно махнул на него рукой и повторил вопрос.

– Тебе же сказали, – мрачно посмотрел на него Спартак.

Не нравилось ему поведение Артура. Впрочем, на искреннее уважение к себе он и не рассчитывал.

– А что такое? Упал нехорошо, да? Осторожней надо быть...

– Ты баран или придуриваешься? – жестко спросил Спартак. – С тобой Хазар говорил. Ты знаешь, что случилось со мной.

– Хазар? Какой Хазар?..

– Ну, ты чего, Артур, Хазар за рынком смотрит, – Карен легонько ущипнул брата за руку.

– Ну, сегодня Хазар за рынком смотрит, завтра какой-нибудь Татарин, да?.. Мне все равно, кто здесь и за чем смотрит. Сегодня один, завтра другой, а я здесь всегда буду, – напыщенно и со злостью произнес Артур.

Всем своим видом он давал понять, что Спартак совершил большую ошибку, обозвав его бараном.

– Не факт.

– Что не факт? – вспенился Артур.

Он окончательно разозлился, но Спартак смотрел на него с непробиваемой насмешкой.

– Я в прошлом году много работал. Денег много заработал. И все свои деньги в эту стройку вложил.

– И что?

– Я от тебя деньги ждал. Но их не было.

– Как это не было? А кто стройку начал? Кто людей нанимал? А кто материалы покупал?.. Я вообще не понимаю, о чем ты говоришь! И почему работа не движется? Почему, я спрашиваю? Не хочешь работать? Не надо! Все, ты уволен!

Спартак готовился предъявить Артуру счет, знал, что разговор будет суровый, но тогда еще не было в его намерениях стопроцентной уверенности в своих силах. Поэтому он переживал, думая о предстоящем разговоре. И вот он состоялся. Артур, как и предполагалось, пошел на обострение, пытается кинуть Спартака. Он деловой, у него влияние и деньги, и плевать ему на каких-то трудяг. Можно выгнать знаменскую бригаду, нанять какую-нибудь другую – и никаких проблем. Но проблемы будут. Потому что Спартак уже на все сто уверен в своих силах. Как и в том, что пойдет до конца...

– Будут мне тут всякие указывать! Деньги он вложил! Да мне по уху, понял? Забирай своих ублюдков и проваливай.

Артур бурлил, пока его кипятик не хлестнул через край. Ублюдков Спартак ему простить не мог. Да и не собирался. Напротив, он только и ждал повода.

Он ударил Артура кулаком в голову, справа, наотмашь. При всей своей массе тот не смог удержаться на ногах и рухнул на грязный железобетон, высоко задрал голову.

– Эй, ты чего? – вытянулся в лице Карен.

Но его ударил Гобой. Прямым, точно в подбородок. Второй армянин тоже упал.

– Ты хоть понимаешь, что с тобой будет?! – поднимаясь, с истерическим надрывом спросил Артур.

– Я тебя убью, если со мной что-то будет, – спокойно, но со свирепостью во взгляде сказал Спартак. – Я тебя просто убью.

Артур заткнулся и какое-то время смотрел на него с открытым ртом. Похоже, он понял, что угроза нешуточная.

– Кафе остается за нами. Мы его построили, мы им и рулить будем. А торговые ряды остаются за тобой, – сказал Спартак. – Но если рыпнешься, заберу все. Ты меня понял?

Артур потрясенно кивнул. Он никак не думал, что работяга из заштатного подмосковного городка поступит с ним так жестоко. Не думал, что и за простыми людьми может оказаться сила, которой принято поклоняться в их мире...

Но вряд ли он смирится со своим положением. Наверняка он попытается взять свое. Но Спартак уже ничего не боится. Вернее, нельзя бояться. Он переступил роковую черту, и обратного пути уже нет.

3

Юля проворно взбила подушку, накрыла ее уютным одеялом. Она готовила постель для Спартака в своей спальне.

– Я лучше в зале, – покачал он головой.

С кем она хочет, с тем пусть и спит. Это ее личная жизнь, он в нее вмешиваться не станет. Но не ляжет он в постель, где она барахталась с Мартыном...

И вообще, он может уйти. Уехать домой. Мама, правда, плакать начнет. В конце концов, он мог упасть с лесов и сломать челюсть, но ей этого не докажешь: слишком хорошо она знает своего сына.

Раньше Спартак не очень ее жалел. Как-то не задумывался, что мама страдает из-за его раздолбайства. Эти бесконечные драки, приводы в милицию, даже под следствием пришлось побывать. А потом ударом для нее стал его армейский «подвиг», после которого Спартак загремел в дисбат. Тогда она в предынфарктном состоянии попала в больницу, и сейчас у нее серьезные проблемы с сердцем. Он, когда домой вернулся, клятвенно пообещал ей, что никаких больше драк. С княжевскими...

Но ведь он же не зарекался от разборок с московскими бандитами, не было такого разговора. Это, конечно, не оправдание, и ей лучше не знать о его проблемах. Он шабашит, зарабатывает деньги, и драки давно уже не для него – пусть она так и думает. А когда шины снимут, он съездит на побывку домой, как будто ничего и не было... И деньги привезет. Обязательно привезет. Все, что заработал, все возьмет. Дураков больше нет...

А если вдруг не судьба отбить свои вложения, если он вдруг сгинет в очередной драке, то мама одна не останется. У нее есть дочь. Катьке уже двенадцать лет, умница она и отличница, не то что старший брат...

Спартак включил телевизор и видик. Сейчас на экране снова появятся голые потные тела... Но нет, вместо сцены из порно Спартак увидел разборку между Томом и Джерри. Тупой мультик, но настроение создает. А то, что порно нет, так она уже наученная, потому и заменила кассету после вчерашних плясок.

Только он лег на диван, подложив под затылок руку, как появилась Юля.

– Тебе нельзя телевизор смотреть. И читать тоже.

Действительно, врач не рекомендовал напрягать зрение. Но плевать он хотел на эти советы. И Юля пусть не лезет к нему...

– Я буду слушать, – миролюбиво произнес Спартак.

Он закрыл глаза и медленно выпустил из легких воздух. Вот он входит в состояние покоя, сейчас на него навалится дрема...

Но спать вдруг захотелось на самом деле. И он даже не открыл глаз, когда Юля выключила телевизор.

За окнами уже темнело, когда он проснулся. В комнате сумерки, из кухни слышны голоса. Юля с кем-то разговаривает... Ну вот, мужика привела, пока Спартак спал. Надо бы ей сказать, что сейчас он уйдет, чтобы не мешать ей. Может переночевать и в своем вагончике.

Но на кухне мужчин не было; там за столом, на ближайшем к двери стуле сидела красавица-блондинка. Волосы распущены и распушены, персикового цвета кофточка из нежной шерсти, джинсовая юбочка – плечи открыты, ноги обнажены чуть ли не по всей длине. Она сидела, забросив обращенную к Спартаку ногу на другую, в длинных пальцах дымилась дамская сигарета. Изящно и сексуально.

Спартак вовремя почувствовал, что нижняя челюсть поехала вниз. Сломанная челюсть, которую нужно было беречь от таких вот потрясений. И мозг у него ушибленный, за ним тоже нужно следить, чтобы не взорвался.

Девушка заметила, какими глазами смотрит на нее Спартак, снисходительно, если не сказать, надменно усмехнулась. И не смутилась, не застыдилась, хотя ногу с ноги все-таки убрала; правда, юбку опрavlять не стала. Да и он уже не смотрел на ее ноги. Он же не маньяк какой-то...

– Спартак, познакомься, это Жанна, – чутьчку смущенно, но без ревности представила его Юля.

А ведь она должна была заметить, какое впечатление произвела на него ее гостья.

Жанна... Впервые увидев эту девушку, бригадир почему-то подумал, что имя у нее такое же необычное, как и она сама. Редкое имя гармонировало с ее редкой красотой...

Надо будет как-нибудь объяснить Юле, что с ней он познакомился из-за Жанны.

– Спартак, – кивнул он.

В горле вдруг запершило, под ложечкой засосало, и под коленями вдруг образовалась пустота.

– Я уже поняла, что ты Спартак.

Жанна смотрела на него с неприязненной насмешкой. Не нравился он ей: не красавчик, лицо в подживших ссадинах и шрамах, неумытый, помятый, и одежда не фонтан... Так и не успел обзавестись солидным прикидом. Ничего, он исправится, только поможет ли это?

– Где-то я тебя уже видела.

– Встречались...

– Мы с тобой никогда не встречались, – возмущенно протянула Жанна.

И даже помахала перед собой рукой, как веером. Дескать, не хватало мне еще такого счастья.

– Ну, не в том смысле, – замялся Спартак. – Я из дома выходил, а ты навстречу...

– А-а, ну да, ну да... А чего ты так говоришь? У тебя что, челюсть заклинило?

– Перелом.

– Пьяная драка?

– Почему пьяная?

– Ну, не знаю, – с нескрываемой насмешкой скривила она губы. – Что на ум пришло, то и сказала... Да, Юлька, и где ты только таких красавцев находишь?... Ладно, пойду я, а то Миша меня уже потерял...

Она неторопливо поднялась, оправила юбку и с высокомерной иронией глянула на Спартака, требуя, чтобы он освободил выход. Бригадир посторонился, и она прошла мимо, изворачиваясь, чтобы не задеть его. И еще носик сморщила, будто мерзкий запах учуяла. В общем, умыла его от ушей до подбородка.

Зато Юля ласковой кошкой потерлась об него, когда проходила мимо. Как будто нарочно для того, чтобы смягчить удар по его самолюбию.

Пока она провожала Жанну, Спартак закурил. Обидно, тошно до дрожи в пальцах. Не создан он для красивых женщин. Вечно у него в подругах второй, а то и третий сорт. До армии с Катькой Ржавой встречался: худенькая была баба, стройная, но медно-рыжая и конопатая. Да и та ждать не захотела, замуж вышла. После армии Зойка была – пышноволосяя, с нежной розовой кожей, но толстая, неряшливая. Сейчас его Сонька в Знаменке ждет; вроде бы ничего девчонка, и не толстая, и не рыжая, но не тянет его к ней. Может, потому и не рвется он так домой, как тот же Угрюм...

Юля не намного симпатичней Соньки, но так и это не лучший вариант. О таких красавицах, как Жанна, ему остается только мечтать...

– Я тут обед приготовила, но ты спал, не хотела тебя будить.

Юля достала из духовки казан. Картофельный суп-пюре с мясным фаршем. Не самое аппетитное на вид блюдо, но пахнет соблазнительно. И на вкус наверняка выше всяких похвал. Что-что, а кулинар из Юли отменный. Только ужин почему-то не в радость.

– Ты чем-то расстроен?

Юля поставила перед ним тарелку, положила ложку. Есть он будет сам, без всяких трубок, но жевать пока нельзя, поэтому и блюдо такое жидкое...

– В пьяной драке... Я что, на алкаша похож? – невесело спросил он.

– Нет, конечно... Она тебе понравилась? – грустно посмотрела на него Юля.

– Кто?

– Ну, Жанна... Я видела, как ты на нее смотрел...

– Просто растерялся, поэтому так смотрел... Не думал, что у тебя гости. А потом я ее видел уже...

– Я знаю, ты и на рынке на нее так же смотрел...

– Что, ревновать будешь?

– Нет.

– Что нет, если да...

– Она красивая, она всем нравится.

Кто бы сомневался... Спартак вздрогнул. Уж не вслух ли он это сказал?

– Она и во дворе самая красивая была, и в школе. Сейчас в институте учится. Умная, видная...

– И парни у нее самые лучшие, да?

– Ну, в общем-то, да...

– А тебе вечно такие красавцы, как я, достаются.

– Кто тебе такое сказал? – несмело возмутилась она.

– Жанна и сказала... И много у тебя таких красавцев было?

– Не было у меня никого, – Юля в смятении опустила голову.

– Что, никого и никогда?

Спартак усмехнулся. Он у нее не первый мужчина. Как минимум не первый.

– Я не хочу об этом говорить.

– Понятно, – скептически скривил он губы.

– Что тебе понятно? – печально посмотрела на него девушка.

– Да суп какой-то мутный. Непрозрачный... – Он зачерпнул из тарелки ложку и тут же вылил содержимое обратно.

– Это же суп-пюре, он густой, он не может быть прозрачным...

Похоже, она не поняла намека. Или не захотела понимать. Мутная она девчонка. Но, похоже, не умеет врать. Потому и не хочет говорить о своих мужчинах, чтобы не повергнуть его в шок...

Спать он лег на диване. Не говоря ни слова, Юлия постелила ему. А ночью пришла к нему, залезла под одеяло, прижалась. Только ночная рубашка на ней, а он не железный. И ему, в общем-то, все равно, сколько мужчин у нее было...

Она позволяла ему многое и сама безо всяких ломаний отваживалась на смелые эксперименты. Вне всякого сомнения, постельный опыт у нее богатый. Значит, и мужчин у нее было много...

Он лежал на спине, а она – на боку, голова ее покоилась у него на груди, пальцы нежно шерстили волосяную тропку под пупком.

– Знаешь, анекдот есть такой, – усмехнулся Спартак. – Лежат вместе парень и девчонка. Ты, говорит он, у меня как «Жигули» «ноль первой» модели. Потому что первая. А она ему – а ты у меня как «Москвич» – «четыреста двенадцатый»...

– Почему?

– Потому что четыреста двенадцатый.

– Откуда ты знаешь?

– Что я знаю?

– Ну, что у нас в гараже «четыреста двенадцатый» «Москвич» стоит? – совершенно серьезно сказала она.

Или у нее с чувством юмора проблемы, или нарочно стрелки переводит?

– Не знал я... А что, стоит?

– Да, папе предложили, он взял. В очереди на «Жигули» долго стоять, с «Москвичом» проще... Он говорит, что лучше бы «Волгу» предложили, а мне и «Москвич» нравится. Только я ездить на нем не умею. Иногда соседа прошу. Ну, когда мне за товаром надо съездить. Он не отказывает...

– Хорошо, когда есть замечательный сосед, – сально усмехнулся Спартак.

Папа в рейсе, а соседи помогают его дочке не соскучиться в одиночестве. И присмотрят за ней, и приласкают. И еще тонкостям постельного дела научат – и порнокассету прокрутят для теоретического познания, и на практике закрепят, чтобы перед будущим мужем не было стыдно.

– Да, у нас все соседи хорошие, – без тени хоть какой бы то иронии сказала она.

– Один товар привезет, другой гвоздь вколотит, так и живем...

– Это ты о чем? – оторвав голову от его груди, подозрительно покосилась на Спартака Юлия.

– Да так, ни о чем. Просто подумал, что каждый мужчина должен уметь гвоздь вбить...

– Папа тоже так говорит. Только не таким тоном... Я что-то не так сделала?

– Да нет, просто я хотел сказать, что, если вдруг тебе за товаром нужно съездить, ты меня попроси. А про соседа своего забудь. Ты меня поняла?

– Да, поняла.

– И чтобы никаких мужиков, кроме меня. Не знаю, что там у тебя было раньше, но пока я с тобой, у тебя никого не должно быть. Ты меня понимаешь?

– Да, конечно! – обрадовалась она.

– Я ведь и наказать могу, если вдруг что...

– Не за что тебе будет наказывать, – счастливо пробормотала она, уткнувшись носом в его шейную впадину. – Я буду хорошей...

Спартак по-хозяйски нежно погладил ее по голове. Хорошая девочка, хорошая. Не будет она ему изменять. А о том, что было, о том надо постараться забыть...

4

Стивен Сигал разошелся не на шутку. Мощный мужик, горячий, удары хоть и киношные, но, в общем-то, убедительные. Одному гангстеру снес челюсть, другому проломил череп, третьему двинул головой в переносицу. А на четвертом позвонил Гобой.

– Спартак, братуха, у нас проблемы! Тебя зовут.

– Кто?

Ответить Гобой не успел, кто-то забрал у него трубку.

– Слышь, мужик, разговор есть, – грубо сказал незнакомый голос. – Пятнадцать минут у тебя, или мы из твоего пацана форшмак сделаем. Время пошло.

Вчера Гобой звонил ему домой, вроде бы все в порядке было, но сегодня, похоже, власть переменялась.

Юля жила недалеко от рынка. Правда, последнее время она не работала: и торговля не шла из-за кризиса на барахолке, и Спартаком ей нужно было заниматься, готовить ему, заботиться. И хорошо, что она сегодня дома. Витрина ее ларька выходила на площадку перед кафе, а там Спартака ждали широкоформатные ребята. Бритые затылки, кожаные куртки, широкие спортивные штаны с лампасами, тяжелые боты с ударными носками. По сравнению с этой троицей Гобой казался тонкошеим куренком перед откормленными бойцовскими петухами. И уж точно с ними в одиночку он бы не справился.

Чуть в стороне стоял Артур, о чем-то переговариваясь с Кареном. Увидев Спартака, он глянул на своего брата и подленько улыбнулся ему. Неспроста здесь армяне.

– Ты здесь за бригадира? – кивком головы показав на кафе, густым зычным голосом спросил у Спартака двухметровый детина с бегемотистой физиономией.

– А надо чего?

– Ты, говорят, права здесь качаешь?

– В смысле?

– Хозяина своего обижаешь?

– Нет у меня хозяина.

– Че ты там шамкаешь? – ухмыльнулся детина. – Челюсть сломана?

– Не важно.

– Короче, мне тут порожняки с тобой гонять некогда. Неправильно ты повел себя, мужик. Хозяина своего обидел. Ударил его больно, а это косяк. А за косяки серьезный спрос. Я бы тебе штраф назначил, но ты своими деньгами ответишь, которые в кабак вложил. Короче, ничего здесь твоего нет, зовут тебя никак и завтра тебя здесь быть не должно...

– Ты, вообще, кто такой?

– Людоед я. Потому что людей жру на завтрак, обед и ужин. И тебя сожру, если завтра здесь увижу...

– А Хазар где?

– А Хазара я уже сожрал. Теперь это моя маза...

– И откуда ты такой взялся?

– Я не понял, ты что, нарываешься? Я тебя сейчас прямо здесь урою!

Бандит дернулся и, растопырив пальцы, замахнулся на Спартака. Но тот даже не дрогнул, хотя внутри все сжалось.

– Я смотрю, ты крутого здесь рисуешь, – скривился детина. – Зря. Со мной шутки плохи... Короче, я все сказал.

Браток резко повернулся к Спартаку спиной и, увлекая за собой своих мордovorотов, направился в дальний конец рынка.

И тут же за Спартака взялся Артур. Ближко подойти не решился, остановился в трех шагах от него.

– Ты все понял?! – в манере шакала Табаки взвизгнул он.

– Не на того ты поставил, Артур. Зря ты это сделал. Теперь еще и без ларьков останешься, – с жесткой усмешкой сказал Спартак.

– Я же говорил, что у него с головой не все в порядке, – тряхнув Артура за локоть и подобострастно глядя в глаза, сказал Карен. – Правильно мы сделали, что с ментами...

– Что вы с ментами? – перебил его Гобой. – Вы что, в ментовку заявили?

– А со мной нельзя шутить, понял? – занервничал Артур.

– Какие шутки, ара? С тобой все серьезно было.

– И с тобой тоже все серьезно будет! Я спуску никому не даю!

– Да пошел ты!..

Свирепо глянув на Артура, Спартак повернулся к Гобой и велел ему собирать вещи. И сам вместе с ним направился в вагончик.

– Мы еще вернемся? – в гулкой тишине пыльного зала голос Гобоя прозвучал неожиданно громко.

– Обязательно... Ты мне расскажи, что здесь было.

Они пересекли недостроенное здание, подошли к вагончику.

– Да я, если честно, сам ничего не понял. Вечером еще Хазар был, а утром эти пришли. Потом Артур появился, с новыми перетер, стопудово на лапу им дал. Ну, чтобы нас турнуть... На меня наехали, я тебе позвонил... Я так понял, у Хазара серьезные проблемы. Погнали его отсюда. Может, махач был, может, на словах развели, я не знаю. Но видно, что ребята серьезные пришли...

– И много их?

– Не знаю. На рынке, может, немного, а так хрен его знает. Может, сотню бойцов могут выставить...

– Сотни у нас нет.

– Так и у них может не быть. Надо пацанов поднимать. Ну, наших там, и еще молодняк можно крикнуть. Думаю, человек сорок соберем. А они поедут. Ни фиги себе, московские нас на кучу бабок кинули! Пахали, пахали, а нам хрен по всей морде... Пусть знают наших! И Артура зачморить надо, чтобы заяву забрал. Давай быстрее собираться, а то нас обоих заметут, как тогда пацанов соберем?

Гобой тоже бил армян, Карена уложил, но за себя он переживал напрасно. Не стал Артур заявлять на него – может, по той причине, что не знал ни фамилии, ни имени. Он сдал только Спартака, потому что у него были его паспортные данные. И угрожал он ему больше всех.

Они выходили из вагончика, когда нос к носу столкнулись с нарядом милиции. Лейтенант в форменной куртке, два сержанта с автоматами. И ара-старший с ними.

– Вот он! – жестом Иуды показал Артур на Спартака.

Это называлось двойной страховкой. И браткам Спартака сдал, и ментам. Как бы пожалеть ему об этом не пришлось...

Спартак не стал сопротивляться, позволил упаковать себя в наручники. Хорошо, что Юля не работает, а то она схватилась бы за голову, глядя, как его через рынок ведут к ментовской машине.

Гобоя не тронули, а Спартака закрыли в зарешеченном отсеке «уазика» и увезли в отделение. Там ему «откатали» пальцы, сфотографировали, отобрали все личные вещи по описи и поместили в клетку перед окнами «дежурной части».

Лязгнула решетчатая дверь, щелкнул замок, и Спартак остался один на один с разбитым пареньком в сдвинутой на глаза кепке. Тот сидел на узкой скамейке, на американский манер забросив ногу на ногу, руки раскинуты в стороны. На Спартака смотрел хищно и с разу-

хабистой насмешкой. Ворот рубахи расстегнут, но недостаточно, чтобы понять, какой рисунок выколот у него на груди, зато на пальце правой руки явно просматривались два чернильных перстня – белая диагональная полоса на темном фоне и ромб, прямым крестом разбитый на черные и белые треугольники. Гобой разбирался в таких татуировках, он бы объяснил, что все это значит. А Спартак знал только то, что плевать он хотел на этого ухаля с блатными замашками.

Равнодушно глянув на сидельца, он занял место у двери.

– Ты чо, с парашей нюхаешься? – желчно спросил парень.

– Не понял.

– Может, ты пидор?

– Теперь понял.

Спартак бил наверняка, так, чтобы противник не смог провести ответный удар. Нельзя ему пропускать, пока челюсть окончательно не зажила. Он ударил кулаком в солнечное сплетение с такой силой, что блатарь минут пять приходил в себя, еще столько же откашливался и отхаркивался. Спартак внимательно наблюдал за ним, но у того и в мыслях не возникло дать ему в ответ.

– Ты че, в натуре, дикий? – уже без всякой спеси спросил мелкий уголовник.

– Нефильтрованным хорошо только пиво. А базар фильтровать надо.

– Я смотрю, ты умный... Тогда почему возле двери сел? В нормальной хате у двери параша; ты, в натуре, на парашу сел...

– Значит, на парашу. От меня вылетело, к тебе прилетело...

– Ты это, сам за базаром следи...

Спартак кивнул. Действительно, что-то разговорился он. Челюсть от долгих разговоров разболеться может, это ему ни к чему. Да и уголовник ему вовсе не интересен, чтобы напрягаться. Был бы нормальным, а то одни понты...

Блатарь понял, что Спартак не хочет с ним разговаривать, затих. А потом и вовсе ушел. Под конвоем, разумеется. Его повели куда-то на второй этаж, примерно через час он вернулся, но мимо камеры прошел сквозняком. Как понял Спартак, его отправляли в КПЗ, что находилась в подвале здания.

Еще через час самого Спартака увели на допрос в кабинет дознавателя, который занимала светловолосая дородная женщина в форме капитана милиции. Не глядя на него, она листала паспорт.

– Никонов Спартак Евгеньевич... Одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года рождения... Зарегистрирован по адресу поселок Знаменка Княжевского района Московской области... Холост... Не судим... Или, может, что-то было?

Спартак слышал, что дисциплинарный батальон не считается судимостью. Слышал, но знал другое. Дисбат – это судимость; правда, после отбытия наказания она погашается автоматически и в паспорт отметка не ставится. Но с его пальцев сняли отпечатки, будет проведена проверка, его судимость обязательно установят. А может, дознаватель уже пробила его по базе данных, по паспортным данным, которые предоставил Артур в своем заявлении.

– Приводы в милицию были. До армии.

Спартак выжидательно посмотрел на женщину. Если она что-то знает, то может проговориться. Или выдать это движением глаз или даже мысли, которое можно уловить обостряющимся в неволе восприятием.

– А после?

Нет, не похоже, что капитан в курсе всех тонкостей его жизни.

– После работал. У меня мать больная, сестра маленькая, отца нет, семью содержать надо.

– Понятно. А как вы объясните конфликт с гражданином Сагояном?

– Это не конфликт, товарищ капитан. Это форменное беззаконие. Да, трудового договора с Сагояном у нас не было, но мы же работали. И кафе под крышу подвели. А это, между прочим, триста квадратных метров. Всю весну работали, все лето. Как говорится, строили, строили, наконец построили. И что? А ничего. Всем спасибо, все свободны. Короче говоря, он отказался нам платить. Получается, мы задарма все это время работали? Я понимаю, мы сейчас строим капитализм, но это же не значит, что мы, трудовой народ, должны терпеть его звериный оскал...

– Вы должны морды бить, так я понимаю? – с укоризной во взгляде усмехнулась дознаватель.

Она хоть и при погонах, но, по сути, это обычная женщина, пусть и облеченная властью. Неблагодарная работа, тяжелый быт, может, живет на одной площади со свекровью; муж, возможно, пьянствует или по бабам шляется, дети двоечники, в перспективе сын может стать прапорщиком, а дочь – проституткой. Все как у обычных людей, поэтому к ней можно взывать как к человеку. Главное – не дерзить ей, хотя и зажиматься не надо.

– Бульжник – оружие пролетариата. И кулак тоже... Э-э, извините, все забываю, что у нас капитализм, классовая борьба нынче под запретом... Хотя, если разобраться, Франция – тоже страна капитализма, и Швеция – тоже. Но там если трудовой народ зажимают, он на улицы выходит, бульжники в ход идут и все такое... Нет, я, конечно, не призываю выходить на баррикады, но и за пролетариат обидно. Работали, работали... Извините, говорить трудно...

– Да, кстати, хотела спросить, что это у вас во рту, – участливо посмотрела на него женщина.

Спартак, может, и не убедил ее в своей правоте, но в какой-то степени расположил к себе.

– Проволочная шина. Двойной перелом челюсти. Все тот же звериный оскал империализма. Какие-то крепкие ребята подошли, избили. Я так понимаю, их гражданин Сагоян нанял. Думал, что это убедит меня отказаться от денег. А не вышло, я снова к нему подошел. Он сказал, что я уволен и что денег не получу. А я не за себя в ответе, у меня бригада, я перед своими рабочими отвечаю... В общем, не выдержало сердце поэта. От всей души, так сказать...

– От всей души да по сто восьмой статье, – усмехнулась женщина.

– Ну, это вряд ли, – нахмурился Спартак.

В дисбате их заставляли учить наизусть и воинские уставы, и Уголовный кодекс, чтобы впредь неповадно было нарушать закон. Но сто восьмую статью он знал не по книгам, эта статья значилась в его уголовном деле, по ней он был осужден, – тяжкое телесное повреждение.

– По органу я его не бил, с этим у него должно быть все в порядке.

– По какому это органу? – развеселилась вдруг женщина.

– Ну, я же знаю, что такое сто восьмая статья, там про опасность для жизни сказано, про потерю зрения, слуха. Или какого-либо органа. Либо утрату органом его функций... А по этому органу я Сагояна не бил. В челюсть дал, врать не буду. Но там точно перелома нет. Он со мной сегодня разговаривал. Братков привел, те сказали мне, чтобы я проваливал, а то кости, говорят, переломают. Как будто мне этого мало? – С печальным вздохом Спартак погладил пальцами нижнюю челюсть. – Даже не знаю, как жить в этом мире, где прав тот, у кого больше силы...

– Ну, это мы подсказем, как жить в таком мире. А ты подскажи мне, откуда у тебя такие познания Уголовного кодекса. Только не темни, не надо...

Дознаватель вдруг расслабленно опустила плечи, выдохнула воздух, который, казалось, помогал ей поддерживать изнутри пышную грудь, полезла в ящик стола, достала оттуда пачку сигарет.

– Будешь?

И себя угостила, и Спартака не обделила.

– Кстати, я даже не знаю, как вас зовут, – по-свойски улынулся он ей.

– Татьяна Ильинична... Капитан Свекольникова... Можешь просто, Татьяна Ильинична... Так откуда познания?

– Три года дисциплинарного батальона, – покаянно вздохнул Спартак. – Раньше только два года давали, а потом три стало, и я на эти три года загремел...

– За что?

– Да начальнику столовой двинул. Он, когда падал, голову проломил... Я мог бы на суде сказать, что он тушенку ящиками воровал. Не сказал. Хотя он и воровал. Сто процентов моя вина, я ее даже отрицать не пытался. Не должен был этого делать, но не сдержался. А здесь другое дело...

– Будем разбираться, какое здесь другое дело. Если выяснится, что Сагоян вам не заплатил, с ним совсем другой разговор будет...

– А какая статья мне реально светит?

– Сто двенадцатая.

– Легкое телесное повреждение?

– Да. Срок до одного года лишения свободы.

– Но есть же и другие варианты. Исправительные работы, например. А еще лучше штраф...

– Это суд решать будет. А у тебя судимость.

– Погашенная.

– Не важно.

– Спасибо.

– Пожалуйста, мой дорогой, – с той же иронией отреагировала Татьяна Ильинична.

Думала она недолго и до выяснения всех обстоятельств дела отправила Спартак в камеру предварительного заключения.

5

Кого-то перед дракой колотит мандраж, а из Мартына ключом била энергия – руки не мог на месте удержать, ноги покоя не давали. Это все от волнения. Драка – это всегда страшно; может, потому и хочется, чтобы все поскорей закончилось. Быстрее начнешь, быстрее кончишь...

Мартын и рад бы, чтобы все началось поскорей. Но сегодня он во главе угла. Он развил бурную деятельность – собрал огромную толпу, договорился с автобусом, который особым рейсом доставил народ к рынку. За старшего вроде бы Гобой, но реально Мартын всем рулил, и ему нельзя облажаться. Спешка, как известно, хороша лишь при ловле блох. А братва против них серьезная. Мощные ребята на них идут; мало того, что накачанные, так еще агрессия в них зверская – кажется, что не люди, а танковый клин накатывается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.